

Игорь Владимирович Вардунас
Метро 2033: Последний поход
Серия «Метро»
Серия «Вселенная «Метро 2033»»
Серия «Ледяной плен», книга 2

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9371206

*Вардунас, Игорь Владимирович. Метро 2033: Последний поход : [фантастический роман]: АСТ;
Москва, 2015*

ISBN 978-5-17-088818-4

Аннотация

«Метро 2033» Дмитрия Глуховского – культовый фантастический роман, самая обсуждаемая российская книга последних лет. Тираж – полмиллиона, переводы на десятки языков плюс грандиозная компьютерная игра! Эта постапокалиптическая история вдохновила целую плеяду современных писателей, и теперь они вместе создают «Вселенную Метро 2033», серию книг по мотивам знаменитого романа. Герои этих новых историй наконец-то выйдут за пределы Московского метро. Их приключения на поверхности Земли, почти уничтоженной ядерной войной, превосходят все ожидания. Теперь борьба за выживание человечества будет вестись повсюду!

Группа отчаянных смельчаков, в поисках новой панацеи для человечества прошедшая полмира на, быть может, последней на Земле действующей атомной подводной лодке, угодила в ледяной антарктический плен. Кажется, спасения нет, и все же надежда жива, куда жив человек. И когда над разрушенным ядерным апокалипсисом миром нависает очередная угроза, «Иван Грозный» и его команда снова выходят в море – в надежде победить, со стремлением возвратиться домой. Выходят, быть может, в свой последний поход.

Содержание

Das Boot, или Туда и обратно	5
Пролог	6
Часть первая	7
Глава 1	7
Глава 2	23
Глава 3	35
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Игорь Вардунас

Метро 2033: Последний поход

*Маше, Никите, Еноту, а также моей маме и всем друзьям,
которые своими любовью и вниманием поддержали меня в непростые
времена.*

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

© Д.А. Глуховский, 2015

© И.В. Вардунас, 2015

© ООО «Издательство АСТ», 2015

Das Boot, или Туда и обратно

Объяснительная записка Вячеслава Бакулина

На днях по служебной надобности я посетил интернет-страничку уважаемого мною журнала «Мир фантастики». И там, в архивных материалах, обнаружил статью о нашей «Вселенной». Совсем старую, датированную аж 2010-м годом. На момент ее написания серия «Вселенная Метро 2033» могла похвастаться только первыми тремя книгами и поистине наполеоновскими планами. Что ж, тем отраднее осознавать сейчас, что мы не обманулись сами и не обманули всех поклонников мира, придуманного Дмитрием Глуховским. Но речь я веду не об этом.

В упомянутой статье можно было прочитать, в частности, вот что:

«Московская подземка – лишь один из многих очагов сохранившейся человеческой цивилизации: люди продолжают жить в других крупных городах, скрываясь под толщей земли. Известны некоторые из сохранившихся наземных поселений: городок Полярные Зори на севере, питаемый энергией Кольской АЭС; деревня на Дальнем Востоке, затерянная среди дремучих лесов; поселение, возникшее возле вкопанного в землю танка; целый город, организованный моряками-подводниками. Всего не перечислить!»¹

В свою очередь создатель «Вселенной» в «Объяснительной записке» к дебютному роману Игоря Вардунаса «Ледяной плен» признавался, что сам неоднократно намеревался написать что-нибудь об экипаже последней уцелевшей подводной лодки планеты. «...нет никакой необходимости в очередной раз загонять своих героев – и читателей – в метро, для того чтобы написать роман в серию “Вселенная Метро 2033”, – писал тогда Дмитрий Глуховский. – Лично мне все интереснее следить за судьбой тех, кто в 2033 году оказался на морских просторах, в степях и пустынях, в мутировавших джунглях и на тропических островах»².

Что ж, на сей момент Игорь не забрасывал своих героев разве что в пустыню. С другой стороны, Дмитрий не уточнял, что пустыня должна быть именно *песчаной*, поэтому нарисованные Вардунасом безбрежные ледяные просторы Арктики вполне могут сойти за таковую. А уж приключений – таинственных, жутких и даже забавных – на долю экипажа «Ивана Грозного» выпало немало, и выпадет еще. Ведь «Последний поход» начат, но далеко не закончен – перед вами только вторая книга трилогии. А значит, полюбившейся читателям с первых страниц «Ледяного плена» непоседе Лерке Степановой и ее друзьям предстоит еще множество потерь и обретений на их долгом пути по просторам мира после Великой Катастрофы. Самом важном пути, со времен античного скитальца Одиссея входящем в четыре классических сюжета мировой литературы.

Пути домой.

¹ Шишкин В. Миры. Метро 2033 // Мир фантастики. № 80. 2010. Апрель.

² Глуховский Д. Про лодки и не только (Объяснительная записка) // Вардунас И. Метро 2033: Ледяной плен. М., 2011.

Пролог

*Что бы я рассказала человеку, жившему в прошлом, которого я никогда не видела?
О моей собственной жизни.*

В мире, которого больше нет...

Во сне я чувствую мамины руки. Прикосновение, дыхание. Тепло. Колыбельные, которые она пела. Помню. Не знаю как. Неважно. Меня же не вспомнит никто. Одиночество и пустота. Вот наследство, которое всем нам досталось.

...Хррр-иши-зззз...

За что?

Если кто-то принимает сигнал, знайте – мы всеми силами пытаемся отправиться в поход, чтобы вернуться назад. Может, удастся еще кому-то помочь в этом аду. На борту хватит места... Хотя куда возвращаться, если теперь все мы сироты.

Ничего не осталось. Все уничтожили.

Зачем.

Но надежда сейчас – единственное, что делает нас людьми.

Иначе для чего жить...

Ведь правда, слышите?

Мы еще здесь. И я помню. Помню все, что случилось.

Плохое. Хорошее.

Тех, кого уже с нами нет.

Валерия Степанова. Одна из уцелевших членов команды атомохода «Иван Грозный».

Антарктический материк. Земля королевы Мод. Бывшая полярная исследовательская станция «Новолазаревская».

...з-звю-у...

...-ое ноября. Две тысячи ...идцать ...ретьего... года...

...и-и-и...

Конец св. зи...

Часть первая

Безмолвная западня

Когда наши потомки увидят пустыню, в которую мы превратили Землю, какое оправдание они найдут для нас?

Айзек Азимов

Глава 1

Пепел

Изредка налетающие порывы промозглого колючего ветра поднимали в воздух причудливо кружащиеся россыпи искр, слизывая их с тлеющих останков зданий. Совсем недавно здесь теплился небольшой очаг жизни. Но все, к чему когда-либо прикасается человек, рано или поздно неизменно превращается в прах.

Не Бог создал ад для людей, но они в своих алчности и безумии сотворили его сами для себя. Рукотворное Чистилище, не имеющее конца и края. Безжалостно оскверненный мир, словно Эдем, навеки изгнавший из своих благоухающих кущ ослушавшихся людей, и теперь застывший, будто в обесцвеченном сюрреалистическом стоп-кадре.

Словно крохотные горстки выживших застряли в каком-то параллельном отрезке времени – антиподе того мира, который теперь неохотно возвращался только в призрачных снах. Мир, по которому бродили совершенно другие хозяева да еще неугомонный ветер, своими легкими, но упорными прикосновениями стачивающий мегаполисы и дороги, заново сеющий и возвращающий, год за годом выметая с поверхности последние следы нерадивого рода человеческого.

Ветер шушанием ворошил останки научно-исследовательской станции «Новолазаревская», поднимая мириады искр, которые, кружась, стремительно уносились все выше и выше, словно невесомые души погибших, стремящиеся на небеса.

Все знали, что через это придется пройти. Разбросанные на подтаявшем алом снегу изуродованные тела нападавших и обороняющих разрушенную с такой хладнокровной жестокостью полярную станцию должны были быть преданы земле. Или льду.

Верные хаски и обезумевшие от крови австралийские волкодавы. Бездыханная человеческая плоть друзей и врагов. Людей.

Кирки, лопаты и ледорубы размеренно вгрызались в снежный хрустальный наст, углубляя пространство под одинаковые неглубокие могилы. Убитых было много, искалеченных топорами и собачьими челюстями – еще больше.

Тела австралийских головорезов, не сговариваясь, погребли в одной большой яме, в то время как завернутых в парусину членов команды лодки и обитателей исследовательской станции решили хоронить по отдельности.

Работали молча, избегая смотреть друг другу в глаза. На «Грозном», ставшим теперь единственным пристанищем горстке выживших, оставались только Тарас, Паштет и придавленная горем многочисленных утрат Лера, которая после того, как Батон через пару дней, наконец, встал на ноги, только и делала, что сидела у себя в каюте и плакала.

В эти мгновения, вслушиваясь в приглушенные рыдания за дверью, старый охотник чувствовал, как у него разрывается сердце. Он всегда не выносил женских слез. Но поделаться ничем не мог.

Мертвые не возвращаются, сколько ни зови. Только во снах или кошмарах, – но и от этого со временем можно сойти с ума.

Доверчивая, наивная девчонка этого не заслужила, но в новом изуродованном мире от понятия «счастье» остался лишь призрачный фантом, медленно испаряющийся под гнетом неумолимо напирających друг на друга безрадостных лет.

* * *

Она снова была в море одна. Захлебываясь жгучей соленой водой и отчаянно молотя руками, Лера беспомощной пушинкой кружилась на поверхности по воле разбушевавшейся стихии. Чудовищные черные волны со зловещим рокотом медленно накатывались одна за другой, то подбрасывая девушку вверх, то, казалось, низвергая на самое дно внезапно расступавшейся пучины. Волны поистине громадные. Словно исполинские стены, острыми верхушками царапающие низкие, подсвеченные тусклым алым заревом облака, которые сыпали неиссякаемыми потоками хлещущей по лицу колючей снежной крошки. Кромешный, беспросветный хаос. А кто сказал, что в аду должно быть тепло?

Утлое суденышко, на котором находились родители, то появлялось, то снова заслонялось могучей спиной очередной волны, с макушки которой свистящий ветер срывал неведомые клочья пены.

Лера точно знала, что это они. Вот машет цветастым платком опирающаяся на борт мама. Сложив ладони рупором, что-то кричит отец, но его нельзя расслышать за рокотом бушующей стихии. Лера отчаянно гребла, то увлекаемая вперед, то заново отбрасываемая назад однообразным монотонным движением водной массы. Ей нужно было успеть. Добраться до родителей, чтобы предотвратить непоправимое. Стискивая зубы, девушка сильнее работала руками, не обращая внимания на усталость и нечеловеческий холод. Вот уже близко. Совсем чуть-чуть...

Но она не успела. Судьба отвернулась, не подав руки, позволив остаться лишь беспомощной наблюдательницей.

На корму судна, где ютились родители, вскарабкался возникший прямо из пучины чудовищный австралиец-бородач, во время битвы на «Новолазаревской» пытавшийся задуть дядю Мишу. Его пылающие алым глаза безумно вращались, в развевающуюся бороду вплелись водоросли и ракушки, занесенная волосатая ручища сжимала огромный зазубренный тесак.

– Мамочка! Папа-а! – отчаянно завопила Лера, нацеливая на злодея невесть откуда взявшийся «Бизон»³. Оружие с предательским щелчком дало осечку, и бородач, сатанински хохоча, с размаху вонзил тесак в брызнувшую кровью грудь отца. Девушка пронзительно закричала, мгновенно захлебнувшись хлынувшей в легкие ледяной соленой водой.

Дядя Миша-а!..

Целясь в пирата, Лера резко спустила курок... и вскочила на койке.

В каюте было душно и темно. Откинув одеяло, Лера села, дрожащими, непослушными руками стянула с себя мокрую тельняшку и бросила ее на пол. Девушку сильно знобило. Кошмар. Какой уже по счету с того момента? Спустив ноги с койки, Лера провела ладонями по лицу, убирая со влажного лба и щек налипшие спутанные волосы. Будь рядом круглолицый заведующий медблоком Колобок, он бы точно посоветовал лекарство от преследовавших ее жутких видений.

³ ПП-19 «Бизон» – пистолет-пулемет 19-й модели, разработанный в 1993 году Виктором Калашниковым и Алексеем Драгуновым, сыновьями знаменитых оружейников.

Немного посидев, Лера прислушалась к внутренним ощущениям. Ну, когда, когда же этот невыносимый ужас закончится? Почувствовав упрямо поднимающееся с низа живота острое ощущение дурноты, девушка обернулась в простынку и нетвердой походкой вышла в коридор. Увидят, ну и что. Теперь уже на все плевать. Она сама отыщет лекарство в медпункте.

Но это оказалось не так-то просто, как думалось Лере. Шаря в коробках с многочисленными блистерами и перетянутыми нитками пакетиками, читая труднопроизносимые, незнакомые названия, девушка быстро сдалась, не решившись наугад попробовать одну из сотни разноцветных пилюлек, упакованных в герметичный пластик.

И как Колобок во всем этом разбирался? Она никогда особенно и не интересовалась, привыкнув полагаться на знания медиков или аптечки лютого мародера по кличке Доза, таскавшего в Пионерский бункер всевозможные лекарства с уцелевших схронов, которые обнаруживал одному ему известным чутьем. Ну и наркоманил, естественно, понемногу, тем не менее, умудрившись родить с молодой женой вполне здорового по нынешним меркам малыша. Хорошо, что не отправился с ними в плавание, куковала бы сейчас одна. Хотя бесценные знания о таблетках Лере сейчас ой как были нужны!

Незачет, подруга. Для охотника, которым была Лера, здоровье должно стоять на втором месте, сразу же после навыков владения оружием. Нужно будет обязательно наверстать. Хорошо еще, что сейчас она не на поверхности.

Черт! Дрожащими от волнения пальцами девушка выронила пластиковый флакон, из которого во все стороны горохом прыснули по полу круглые белые шарики. Искрой мелькнуло воспоминание, как рассыпала по ковру патроны в ночь побега в их с дедом квартирке.

– Чтоб тебя, растяпа, – опустившись на корточки, Лера стала собирать таблетки обратно в баночку.

О том, чтобы колоть что-то из пятикубовых шприцев в поролоновых фиксах, хранящихся в специальных контейнерах, и речи быть не могло, – несмотря на отвагу при ловле мутантов, медицинских иголок охотница боялась, как огня. Да и опять же, понятия не имела, какое лекарство какую лечило хворь.

Что же делать? Терпеть головную боль и кошмары с каждым днем становилось все тяжелее...

* * *

«Вот что мы оставили нашим детям – гнить в подземельях без будущего, покорно ожидая своей очереди умереть от голода или болезней. Страдать непонятно за что. Ни радостей, ни интересов, кроме как укутаться в лохмотья да чего-нибудь поесть. Изюба в день. Изюба в год. Лера и про шоколад-то знала только по картинкам и паре фантиков от конфет, пристроенных когда-то под закладки в сохранившихся учебниках.

Айподы, айфоны, машины, шмотки, еда, образование, – будь то купленное или честно заученное, – вся эта банальная рутина, казавшаяся такой нужной и незаменимой. Сейчас у человека стало больше времени прислушаться к себе. Только вот внутри у каждого теперь – пустота. Ничто не спасает от падения во мрак. На самый нижний круг рукотворного кошмара, которому нет и не будет конца». Потроша рожки с патронами, чтобы положить в опустошенные гильзы скрученные бумажки с нацарапанными именами, датой рождения и званием покойных, Батон только скрежетал зубами от собственного бессилия и в сердцах угощал стенку своей каюты ударом могучего кулака. Эх, мужики, мужики.

Тело томительно просилось напиться, но кланчить у поваров припрятанный самогон сейчас не хотелось. Вначале требовалось оказать последние почести погибшим товарищам. Голова нужна была ясная, поскольку это являлось делом чести.

Да и кто присмотрит за Лерой – за несколько дней после битвы у «Новолазаревской» юная охотница сильно сдала и осунулась, плохо спала, почти ничего не ела, полностью замкнувшись в себе. В редкие мгновения, когда они пересекались в коридорах, на мужчину из-под челки и пушистых ресниц смотрели совсем другие глаза – глаза нового, резко повзрослевшего человека, с которым он еще не был знаком.

Человека, который, спасая его жизнь, одним нажатием спускового крючка вместе с обезумевшим душителем застрелил в себе ребенка. Та Лера, которую он знал с малых лет, безвозвратно исчезла. Теперь она не улыбалась, ничем не интересовалась, да и не разговаривала почти.

А накануне неожиданно вышла на него из-за угла посреди ночи, белая как мел, растрепанная, с нечесанными, налипшими на лоб волосами, в одной простыне, словно покойница. Пробормотала что-то бледными губами и повалилась в обморок, раненой птицей обмякнув на его руках. У Леры был жар. Она сильно сдала, и это тревожило охотника.

Единственным существом, находившимся рядом с девушкой, была преданная Чучундра, разделившая тоскливое одиночество хозяйки, которая не хотела общаться с окружающими.

Быстрая и жестокая смерть стольких ставших родными людей, с такой отвагой и мужеством рванувших на край света в надежде на то, что руины, в которые двадцать лет назад превратилась планета, все-таки еще можно восстановить и спасти.

Самопожертвование Азата, погибшего за девушку. И самое страшное – убийство человека, пусть чужого и озлобленного, пусть даже во спасение дяди Миши... Все это еще больше разрывало и без того истерзанное горем сердце Леры.

Осознание того, что все было напрасно, душило, вызывая новые приступы слез. Лера начинала листать Библию, желая найти ответ, но после пары страниц каждый раз откладывала в сторону. Не могла собраться и взять себя в руки. Сознание металось, мысли не слушались. Нервы отказывали совсем.

Пыталась отвлечься вязанием – в Пионерском убежище в ее маленьких самодельных безделушках разгуливал много подруг. Те заказывали глянувшиеся модели рукодельнице-самоучке, когда одалживали сотни раз менявшие переплеты, разваливающиеся журналы на плантацию, добывая новые экземпляры у мародеров или старые в библиотеке, чтобы смену не скучать. Бралась было шить, но потрепанной машинки из Убежища, размеренный перестук которой помогал хоть как-то абстрагироваться в невеселые моменты, конечно же, не было на борту, и нитки с иголками, пугая мышь, неизменно улетали в угол каюты. Да и для кого? Самой-то всего хватало. К своей красоте Лера относилась спокойно, дома никогда не шиковала, лишь на редкие праздники позволяла себе нитку бус, подаренную когда-то Батоном. Бум на пирсинг среди подрастающего женского населения тоже успешно пережила, не особо интересуясь вставлением разных железок в некоторые части тела. Ну разве совсем чуть-чуть, чтобы упрямо доказать деду, что уже взрослая и самостоятельная.

Когда Батон, осторожно постучавшись, тихо сообщил, что к погребению все готово, Лера не откликнулась, осталась лежать, уткнувшись заплаканным лицом в завещанный мамин платок, бережно расстеленный на подушке.

Но потом все-таки пришла. Хотелось взглянуть на могилу Азата, хотя вряд ли ее стали рыть. Она своими глазами видела, что после взрыва около поврежденного спасательного бота от храброго стрелка, которому она давно тайно нравилась, ничего не осталось.

И как потом автоматически тушился поврежденный отсек ЛОХом⁴, смывавшим со стен копоть и брызги крови. *Его* крови.

⁴ «ЛОХ» – Лодочная Объемная Химическая защита – система химического пожаротушения, применяется на подводных лодках. В качестве огнегасителя используется газ фреон.

Спросить у дяди Миши, нашли ли хоть что-нибудь, не хватило сил. Это был самый страшный момент в жизни Леры. Надлом, разделивший юную жизнь на «до» и «после». Только сейчас девушка по-настоящему осознала, сколько боли и горя испытало человечество двадцать лет назад. И продолжало испытывать сейчас, подобно отравленным семенам медленно угасая в почве искалеченной, теперь уже чужой, навсегда опустевшей планеты.

Ни на ком не останавливая взгляд, Лера встала в сторонке и бегло осмотрела выстроившихся напротив засыпанных льдом и снегом прямоугольников-могил товарищей по несчастью: дядя Миша, опирающийся на палку Тарас, метеоролог Савельев, привычно мусолящий во рту палочку Макмиллан. Рядом с ним, беспомощно уронив могучие ручки, стоял понурый здоровяк Мичиган. Выжившая Тахома. Паштет и Треска тоже были здесь, вместе с несколькими незнакомыми людьми со станции.

Отвернувшись, Лера оглядела снежное пространство перед собой. Сколько же здесь было могил... Одна, две, три... седьмая... За что погибли все эти знакомые и незнакомые люди, внезапно столкнувшиеся в ледяной пустыне на краю земли? За призрачную возможность вырваться отсюда на волшебным образом приплывшей лодке? Судне, которое подарило надежду ей самой и в результате заманило в плен.

И сколько теперь отпущено тем, кто выжил? Крохи, принимая в расчет сложившуюся ситуацию, – Лера в этом нисколько не сомневалась. Что ж, по крайней мере, она шагнула далеко за пределы родных Пионерских пустошей и хоть чуточку посмотрела на мир, который когда-то был таким прекрасным. Кто еще этим похвастается?

Но вот за *чем* она гналась? За призраками родителей, которых давным-давно нужно было отпустить? Или просто в последней отчаянной попытке избежать брака с ненавистным женихом?... А счастье, как, оказалось, было совсем рядом и просто с затаенной и терпеливой надеждой ждало, когда на него обратят внимание.

Азат Ахметов. *Ее* Азат. Теперь, когда уже слишком поздно и ничего не вернуть. Да, теперь ее.

– Его здесь нет, – тихо сказал Батон, поймав устремленный на могилы отрешенный взгляд девушки.

Конечно же, нет. Разумеется, она знала. Но сердце защемило вновь.

– Прощай... – Лера тихо всхлипнула; кутаясь в куртку, бросила в сторону могил горстку снега, развернулась и сделала несколько шагов назад к лодке, когда ее внимание привлекло новое, раньше не замеченное лицо.

– ...братия и сестры, об усопших помолимся, – высокий бородатый мужчина в перештопанном церковном подряснике, до сих пор заслоненный широкой фигурой Мичигана, широко перекрестился.

Через несколько дней после сражения на «Новолазаревской» неожиданно появился батюшка, приведший с собой вызволенную из туземного плена Тахому, американского лейтенанта. Она успела укрыться в уцелевшей во время бойни церкви Святой Троицы, настоятелем и единственным обитателем которой был отец Михаил.

Тогда Лера, обрадованная чудесному спасению бывшей пленницы туземного короля, разрыдавшись, бросилась к ней на шею. Увидеть среди хмурых взрослых мужиков женское и по-своему родное лицо было настоящим облегчением. С того момента они стали часто бывать вместе, нередко коротая тягучие невеселые минуты за обучением друг друга родным языкам.

Стоя вместе со всеми у вереницы могил, Лера с замиранием сердца прислушивалась к странной и необычной молитве, которую совершал отец Михаил. Священник! Здесь! На ум мгновенно пришла подаренная Птахом Библия, бережно хранившаяся в каюте под подушкой.

– ...Во имя отца и сына и святого духа, – закончил короткую панихиду отец Михаил и, снова перекрестившись, вздохнул. – Аминь.

– Аминь, – одними губами прошептала Лера таинственное слово, услышанное перед побегом в каморке Птаха.

– Может, еще кто-то хочет сказать? – закрыв потрепанный томик молитвослова, священник вопросительно оглядел собравшихся.

– Да что уж тут скажешь, чувак, – шмыгнул носом Треска, вставляя излюбленное жаргонное словечко. – Одно слово – приплыли.

– Даже после Конца света смерть продолжает сопровождать спасенных Богом на земле, – в качестве последнего слова произнес отец Михаил. – Но молитва за усопших лечит сердце и дарует успокоение душам в Царствии Небесном. Даже сейчас, когда человечество в собственном ожесточении и эгоизме переступило последнюю черту, Господь всемогущ и по-прежнему человеколюбив. Как сказано в молитве Честному Кресту – «Да воскреснет Бог, и расточатся врази Его...»

Бог! Погруженная в невеселые мысли Лера встрепенулась. Тот самый Бог, живущий на небе, о котором ей рассказывал Савельев той звездной ночью на палубе!

И Библия... Ведь неспроста же дал ее Птах. Отец Михаил замолчал, и Лера быстро зашагала по тропинке в сторону лодки. Если так будет продолжаться дальше, она точно сойдет с ума или сотворит еще какую-нибудь глупость. Но как перестать терзать себя? Девушка твердо решила поговорить с батюшкой при первой же возможности.

* * *

Дорогу к храму она знала – построенное за девять лет до войны невысокое, вмещающее всего около тридцати человек уютное деревянное сооружение находилось в нескольких сотнях метров от «Новолазаревской», отделенное от станции массивным снежным холмом, – что и уберегло его от разрушения австралийцами. Правда, извечно суеверный Паштет и здесь ухитрился найти подтверждение тому, что проповеди юродивого Птаха из родного Убежища в далеком Пионерске могут быть действительно пророческими.

– ...И устоит последняя твердь Господня на земле незапятнанной под натиском нечестивцев, и даст она убежище и спасение тем, кто уверует, – дрожащим от волнения голосом прочитал он в своей бережно хранимой тетради и многозначительно посмотрел на привычно сморщившегося Треску. – Ну, точно ведь! И Тахома жива.

Для отца Михаила, приютившего до смерти напуганную американку, это тоже было настоящим чудом и явлением Божьего провидения, хотя, вероятнее всего, разрушившие полярную станцию головорезы в кровавом безумии просто не заметили храм за склоном холма.

Ступая по тропинке в сторону постройки, Лера всячески пыталась придумать, с чего начать разговор со священником. Раньше она ни за что на свете не посмела бы завязать беседу с незнакомым человеком (за двадцать лет, что обитатели Убежища провели под одной крышей, противостояние общим невзгодам сплотило людей настолько, что они по праву могли считаться одной семьей), а уж тем более излить ему самое сокровенное, – учитывая то, что последние дни она не разговаривала даже с дядей Мишей, который заменил ей отца.

Но это было раньше. Путешествие, забросившее Леру на край света, заставило ее резко пересмотреть всю свою прошлую жизнь. Да и можно ли было по-настоящему назвать жизнью те одинаковые, словно близнецы, хилые годы, что она провела в защищенном коконе Убежища, под чутким присмотром друзей и деда? Теперь даже волнующие вылазки с Батом перестали казаться чем-то знаменательным. Той юной охотницы больше нет. Есть кто-

то новый, еще не до конца родившийся. Но с этим человеком Лера еще не была знакома. Замедлившая было шаг, она снова решительно двинулась вперед.

На робкий стук никто не отозвался, и девушка, снова натянув рукавицу, уже собиралась уйти. Но какой-то новый порыв заставил ее взяться за ручку двери и потянуть на себя. Та оказалась не заперта. Толкнув дверь, Лера осторожно заглянула внутрь.

В небольшом помещении, наполненном необычными предметами и странными картинами с изображениями незнакомых людей, царил полумрак. Поборов смущение, незваная гостья проскользнула внутрь, и под подошвами ее ботинок таинственно скрипнул деревянный пол. Внутри тепло пахло деревом и еще чем-то сладковато-приторным. Незнакомым и непонятным.

– Здесь есть кто-нибудь? – почти шепотом поинтересовалась Лера, со страхом, который все больше теснило любопытство, осматривая погруженное в тишину помещение.

Никого.

Отец Михаил почему-то никогда не появлялся за ужином в кают-компании «Грозного», да и вообще не трапезничал с остальными членами команды; он даже вежливо отклонил предложение переселиться на лодку.

Значит, должен быть здесь, где же еще. Глупая. Девушка мысленно одернула себя, продолжая осмотр. Если не считать самодельной кельи Птаха, она никогда не бывала в церкви – даже на поверхности, хотя рядом с их Убежищем, неподалеку от маяка, была одна полуразвалившаяся часовенка из кирпича, от луковки которой осталась только осыпающаяся арматура и ржавый крест. Но ту церквушку вскоре облюбовали буренки, полностью закрыв доступ внутрь не только Лере, но и залетным мародерам.

Многие изображения на стенах напоминали те, что висели в камерке блаженного, с той лишь разницей, что были намного больше ветшавших календариков и открыток. А некоторые были Лере совершенно незнакомы.

– Здравствуй, – у вздрогнувшей от неожиданности девушки душа ушла в пятки, когда она, задержавшись перед особенно красивой картиной, изображавшей женщину с младенцем, услышала за спиной спокойный мужской голос. – Я тебя знаю. Ты ведь с лодки, да? Проходи, не стесняйся.

– Извините, я... – одними губами пролепетала девушка, испуганно потянув с головы шапку с полустертой надписью «Iike», – высокий священник буквально возник из ниоткуда.

– Можешь не снимать.

Вслушавшись, Лера уловила еле ощутимый акцент.

– Но я ведь в помещении...

– В храме так принято, разве ты не знаешь?

– Н-нет, – неожиданно начавшийся разговор и странное правило вконец запутали струхнувшую девушку. Она всегда навещала Птаха без головного убора, и блаженный никогда за это не упрекал.

– А почему вы без шапки?

– Потому, что я мужчина. Не знаешь церковных правил? И с оружием пришла, – отец Михаил укоризненно покачал головой, заметив торчащий из-за плеча Леры обмотанный изоляцией приклад «Бизона». – Уверю, здесь оно вряд ли тебе пригодится.

Да откуда же ей было знать! А признаться Лера стеснялась – вспомнила про лежащую в куртке Библию. Может, в ней было что-то об этом сказано, а она так и не успела дочитать. Блин, стыдобища! Щеки запылали, словно их отстегали крапивой. Ну что ему ответить... И чего он все время улыбается?

Не надо было сюда приходить!

У отца Михаила были мягкие черты лица, обрамленные волнистыми темно-русыми волосами без ярко выраженной седины, отчасти прикрытый усами и бородой тонкий абрис

губ и карие глаза, из которых исходило просто-таки осязаемое тепло. Выглядел священник лет на сорок, хотя по внешности в нынешние времена нельзя было точно судить, да и борода ощутимо прибавляла возраста.

Мужчина смотрел на Леру со спокойной улыбкой, тихо пощелкивая странными кубиками, нанизанными на нитку (некоторые из которых были уже порядочно истерты до формы шариков), и молчал, явно ожидая, что девушка что-нибудь скажет.

– А почему вы никогда не едите с нами? – почувствовав, что краснеет, Лера невпопад выпалила единственный пришедший на ум вопрос.

– У меня давно уже собственный пост, – ответил священник.

Вконец растерявшись от незнакомого слова, Лера виновато опустила глаза.

– Простите, пожалуйста, зря я сюда... – она быстро направилась к двери, гремя по полу ботинками, но священник окликнул ее:

– Но тебе ведь что-то было нужно, раз ты пришла? Не просто же о еде спросить. Не бойся, мне можно сказать.

Взявшись уже за ручку двери девушка повернулась к отцу Михаилу.

– Не бойся, – снова подбодрил священник. – Только оружие оставь, пожалуйста, здесь тебе ничто не угрожает. Я почаевничать собрался, составишь компанию?

– У вас есть чай! – неожиданное предложение окончательно прогнало остатки робости и страха. – Настоящий?

Лера вспомнила грибное варево из Убежища и этикетку со слонем (которого видела во время жертвоприношения в Африке) на банке с чаем бабы Дины. А почему нет? Почему у этого странного человека, обитающего в таком необычном месте, не может оказаться настоящего чая? Стянув с плеча пистолет-пулемет, она прислонила его к стене у двери.

– Ну, не такой, как двадцать лет назад, – тихо усмехнулся священник, когда девушка робко прошла за ним в дальнюю часть помещения, отделенную от остального пространства перегородкой.

Там гудела небольшая металлическая печь, на которой в жестяной кастрюльке уютно побулькивал свежерастопленный снег. Мечущееся за щербатой от ржавчины заглушкой алое пламя лихорадочно отбрасывало на стены причудливые сполохи. Было тепло, пахло какими-то травами, и Лера понемногу успокоилась.

От таинственного помещения почему-то веяло домом.

– В некоторых местах тут мох да травка особенные растут, засушить, растереть да в кипяток – и цветом радует, и на вкус ничего.

– Тут уютно, – желая угодить незнакомому человеку, сказала девушка. – Мне нравится.

Ветхий металлический чайник на плитке тоненько засвистел и выпустил из носика струйку пара.

– Здесь всегда уютно, хоть давно и не приходит уже никто. Разве что снежные выползны залезают. Так что привело тебя ко мне? – снова поинтересовался отец Михаил, когда девушка села на предложенный стул и, сняв перчатки, осторожно взяла у него дымящуюся кружку.

– Я... даже не знаю, как сказать, – собираясь с мыслями, Лера подула и отхлебнула из жестянки. Исходящее от нее тепло приятно грело ладони, которые впервые за последние дни переживаний наконец-то перестали дрожать. Отвар был терпким, горьковатым, немного вязал язык и оставлял на небе сладковатое послевкусие.

– Вкусно.

– Это можжевельник, – объяснил священник. Название травы было девушке незнакомо.

– У меня есть друг, он далеко, в Убежище, из которого мы приплыли... из Пионерска. Он мне говорил, что раньше люди, когда им очень плохо было, всегда шли в церковь. Это ведь она?

– Совершенно верно, – кивнул отец Михаил и, бросив в свою кружку щепоть какой-то бурой травы, залил ее дымящимся растопленным снегом. – Кстати, а как ты попала на лодку?

– Из дома сбежала, чтобы замуж не идти. Деда одного оставила. А сейчас думаю, не напрасно ли? Как-никак, за сына старейшины отдавали, привилегии всякие там. Ребенка бы завела... – отставив на маленький деревянный столик кружку, Лера всхлипнула, чувствуя, как на сердце вновь непосильным грузом наваливается чудовищная боль пережитых утрат. – У деда наверняка из-за меня теперь проблемы. Мне очень и очень плохо.

– Расскажи, не бойся, – мягко подбодрил одинокий обитатель церкви. – Когда все в себе носишь, сильнее терзаешься, а если выговоришься, легче станет.

– Мы долго сюда плыли, много чего пережили. Я столько всего увидела, что и представить себе не могла. Даже чуть не погибла два раза, – не поднимая глаз, начала сбивчиво перечислять девушка, чувствуя, как к горлу подкатывает липкий удушливый ком. – Я так родителей хотела найти. Мечтала. Во сне их видела, ждала. А мама и папа умерли давно... только вещи остались да фотографии. Потом мы нашли базу, но оказалось, что все напрасно. Что никакими вирусами, никакой нашей рукотворной гадостью планету не вернуть, что никого уже нельзя вернуть... Ежи говорил, что клин клином вышибают, как же. Видели бы, во что он после вируса превратился и каким стал. Я человека убила, чтобы дядю Мишу спасти, и внутри как оборвалось чего-то. Кошмары снятся. Азат... мой Азат убит. И его не вернуть! Ничего уже не вернуть. А в чем я виновата? Чего я кому-то такого сделала, что меня, родив, бросили в этот мир без будущего умирать, оставив вокруг лишь пепел? Кто за меня решил? Кому вообще дали право за всех что-то решать?! Люди, города, краски, все исчезло. Вы хоть видели, что творит со всем живым радиация? Каждый раз, выходя на улицу, надевали воняющий резиной противогаз. А потом дергались от любого шороха, загнанно меняя в кустах посаженные фильтры, потому что это единственный момент, когда выпускаешь из рук оружие. Да я только здесь узнала, что такое по-настоящему *чистый* воздух. Голова до сих пор как у пьяной кружится. Я практически ничего не знаю о той жизни, я часто болела и двадцать лет гнила под землей, как червяк! И вот, когда у меня, наконец, появилась надежда, все рассыпалось к чертям! За что? Почему?! Я жить хочу! Любить хочу...

Не в силах больше сдерживаться, Лера зарыдала, закрыв лицо руками.

– Ну, будет тебе, – священник ласково погладил ее по вздрагивающему плечу.

– Лодка сломалась... – продолжала всхлипывать девушка. – Станция разрушена, а кругом только горе и смерть, смерть, смерть. Я ведь никого убивать не хотела, только чтобы дядю Мишу спасти! Как же жить-то теперь с этим, а? Я так не хочу... Больше не могу!

Настоятель мягко положил руку на голову Леры.

– Успокойся, ничто в этом мире не делается без промысла Божьего. А раз все случилось, как случилось, значит, такова воля Его.

– Но ведь он же не злой, – отняв от лица мокрые от слез пальцы, с укором пробормотала девушка. – Тогда почему все так? Почему он все разрушил?! Бог, в которого верила мама, никогда бы так не поступил!

– Не он рушил, а человек. Бог всегда испытывает нас. Вероятно, однажды мы в своем неведении и алчности достигли предела его терпения, и он направил чью-то руку нажать на спуск.

– А все эти убийства, жестокость – зачем?

– На все воля Его. Знаешь, как раньше говорили – неисповедимы пути Господни, – мягко увещевал священник.

– Какие пути?

– Его пути. Те, которыми он ведет нас к себе.

– Для меня это все сложно, – понемногу успокоившись, Лера утерла нос кулаком.

– Вначале у всех так.

– Необычные картины, – снова взяв кружку, гостя оглядела изображения на стенах, тускло подсвеченные чадящими лампадками.

– Это иконы. Редкие, палехских мастеров.

– А все эти люди... Кто они?

– Святые, Божьи угодники.

– А что они делают?

– Молятся за нас. Поддерживают. Вот это, например, Николай Чудотворец, покровитель всех моряков.

– На небе, – допивая чай, уверенно кивнула девушка. Кое в чем она все-таки разбирается.

– На небе, – с улыбкой согласился отец Михаил. – Но молиться можно и здесь, на земле. Эти люди делали так до самой смерти и продолжают теперь.

– А я пока не умею, – вздохнула Лера и, спохватившись, вытащила из кармана куртки томик Библии. – Но книга у меня есть!

– Ты родилась до войны? Сколько тебе лет?

– Двадцать три.

– Крещеная?

– Что такое *крещеная*? Нет... не знаю, – девушка вновь смутилась от незнакомого слова, но, вспомнив про подарок Птаха, нашлась и положила руку на грудь. – Но крестик ношу.

– Понятно. Значит, частично воцерковленная.

Взяв у собеседницы книгу, священник неожиданно почувствовал, как девушка вздрогнула от случайного прикосновения. Не подав виду, он отвел взгляд и бережно перелистнул несколько страниц.

– Священное Писание. Откровение Иоанна Богослова. Звезда-полынь и саранча из дыма, – с грустью усмехнулся он. – Семь печатей и трубящие ангелы. Конец света. Апокалипсис.

– Там про это написано? – удивилась девушка.

– Да. Только с тем отличием, что его должен был устроить Господь, обрушив свой гнев на города в виде огня и серы. Но, как видишь, мы в этом деле его чуточку опередили. Ирония. Береги ее: не думаю, что в мире осталось много таких книг. Быть может, однажды она снова поможет человечеству обрести дорогу к свету во всей этой непроглядной тьме.

Приняв из рук священника Библию, Лера аккуратно засунула ее обратно в карман куртки и встала с тихонько скрипнувшего стула.

– Вы помолитесь за меня? – она с затаенной надеждой взглянула на настоятеля.

Глаза девушки показались ему восхитительными. А еще в них было столько боли. Того успешшего накопиться с возрастом, отчетливо различного привкуса горечи, отличавшего ребенка от взрослого.

Эх, ты. Робкий бесхитростный цветок, вопреки всему чудом выросший на развалинах третьего тысячелетия. Как скоро твоя чистая, рожденная до войны красота начнет неумолимо вянуть, и ты превратишься в серокожего морлока с выцветшими безжизненными глазами, обреченного до конца своих дней влачиться под давлением беспросветного серого неба, плачущего отравленными слезами?

Отец Михаил внутренне содрогнулся, продолжая смотреть на девушку, чистое лицо которой в его воображении на мгновение заслонила уродливая тень.

А может, Господь в своей любви смилостивится, и ее минует чаша сия. Ответа у священника не было. Не ему было уже решать.

– И не только за тебя, но и за всех тех, кому это может принести пользу и успокоение, – с мягкой улыбкой кивнул отец Михаил.

– Тогда еще и Азата упомяните. Он из команды, – девушка смущенно опустила взор, вспомнив, что так и не удосужилась представиться. – Кстати, меня Лерой зовут. Лерой Степановой.

– Раба божия Валерия. Красивое имя. Значит, сильная. А я отец Михаил. Или просто Мигель. Знаешь, я... я ведь хоронил твоих родителей.

В голову Леры словно набили ваты. Она посмотрела на него долгим невидящим взглядом. Что тут еще ответишь?

– К ним плыла я, а хоронили вы, – наконец медленно проговорила она. – Странно, правда?

Она судорожно выдохнула, ощущая, как начинает щипать глаза.

– А силы... кому они теперь нужны. Для чего тратить-то. На кого.

Лера помолчала.

– Можно, я иногда буду сюда приходить?

– В любое время, когда захочешь, – ответил отец Михаил.

Вернувшись на лодку и без аппетита проглотив положенную порцию остывшего ужина из обрыдлой рыбы и склизких, опять разваренных Паштетом макарон из оставшейся пайки «Грозного», за двадцать лет вообще потерявших вкус, Лера забралась под одеяло в своей каюте, но еще долго не могла заснуть, вспоминая разговор с отцом Михаилом.

Даже ставшие своеобразным ритуалом вечерние игры с Чучундрой, хоть как-то отвлекавшие от невеселых дум, сейчас вылетели из головы. Поэтому предоставленный сам себе зверек забавлялся в углу с катушкой из-под ниток, катая ее лапками туда-сюда.

Слушая размеренный шорох, погруженная в свои мысли девушка с облегчением чувствовала, что от сердца немного отлегло. И знала, что кошмаров больше не будет.

Но она ошибалась.

Дядя Миша-а!..

Лера, нет!

Снова и снова во сне ее настигал собственный крик и спуск крючка «Бизона», застрелившего разбойника. Кошмар не хотел отпускать.

* * *

«Судовой журнал.

Земля королевы Мод. Исследовательская станция “Новолазаревская”.

Время стоянки – ... – ые сутки.

Поиски вируса, хранящегося на заброшенной немецкой станции, увенчались успехом, но мы не смогли совладать с заразой, которую по неосторожности выпустил один из членов экспедиции. К нашему сожалению, стало очевидно, что с помощью этих штаммов не получится очистить Землю от радиации, как первоначально предполагалось.

Неужели такой путь и столько жизней наших соратников были потрачены зря? По прибытии большая часть команды погибла в результате столкновения с австралийскими головорезами, нападшими на полярную базу. Все тела погибших были захоронены согласно военному времени и климатическим особенностям материка.

В расположенной около разрушенной “Новолазаревской” церкви Святой Троицы обнаружен настоятель испанского происхождения отец Михаил, который во время бойни укрыв у себя Дженни Тахому, считавшуюся пропавшей без вести. Хоть какие-то хорошие новости.

Пока еще держимся, но команда падает духом. Требуется как можно скорее что-нибудь предпринять.

Не верится. Но нужно смотреть правде в глаза: мы намертво застряли в Антарктике, хотя ущерб, нанесенный взрывом, еще не ясен. Очевидно одно – своими силами мы “Грозный” вряд ли починим.

Принявший командование судном старший помощник Тарас Лапишов».

* * *

– Короче, мужики, что делать будем? – Батон оглядел собравшихся в кают-компании людей. – Пора принимать окончательное решение, пока и мы тут кони не двинули. Или сразу эту не подцепили.

Несколько человек кивнули. Для каждого было совершенно очевидно, что после разрушения «Новолазаревской» долго оставаться на одном месте нельзя, даже принимая в расчет ресурс и продовольственные запасы «Грозного». Нужно срочно решать, каким образом сдвинуть поврежденное судно с места.

– Эх, ребяташки, ребяташки. Растеряли мы всех, – вот уже в который раз Тарас покачал головой, вспомнив Колотозова, Марка, Азата, Колобка. При одном упоминании о погибших членах команды у вынужденного принять командование лодкой старпома опускались руки. Как справляться с такой машиной без специально обученных людей?

– Но сидеть на одном месте смысла не имеет, однозначно.

– Мы тут как-то двадцать лет перетоптались, и ничего. Не сахар, разумеется. Но как-то все-таки жили, – пожал плечами один из спелеологов по фамилии Ворошилов. – Пока вы не пожаловали.

– Но станция теперь разрушена, – заметил Савельев.

– Я про что и говорю. Вашими усилиями. Все, финита! О.А.К.⁵ больше не существует!

– А мы-то тут при чем? – вскинулся Паштет. – Ну-ка поясни, приятель.

– Наглядно? – поднимаясь, поинтересовался Ворошилов.

– Ишь ты, борзый, – взвился вслед за приятелем Треска. – Ну, налетай! В печень или бочилу?

– Да тихо вы! – не глядя, шикнул Савельев, вслушиваясь в хриловатую речь соседа.

– Я говорю, на «Новолазаревской» остался «Крейсер Берда», – перевел слова подавшего голос Зэфа метеоролог.

– О-о-о. Да не начинай ты снова, брат, – закатив глаза, скривился Рэнди.

– Что это еще за шняга? – нахмурился поостывший Треска.

– Во время Второй мировой построили один уникальный колесный вездеход, – Макмиллан снял шляпу и, положив ее на стол рядом с кружкой, почесал бороду. – Ну вы, Россия, и деревня. А на таких рыбах плаваете.

– Полегче на поворотах! – пригрозил Батон, но его жестом остановил Тарас:

– Дослушаем. Я вроде что-то припоминаю.

– В тридцать четвертом тут, у черта на рогах исследователь и путешественник Ричард Берд искал приключений на свою грешную задницу. И в результате нашел. Сто пятьдесят тысяч баксов было угрохано в этот проект. Несусветная по тем временам сумма. Но все накрылось медным тазом. Уже в пятьдесят восьмом наши опомнились, откопали, посмотрели-пофотографировали и свалили отсюда на хрен. Еще до нас с Мичем вездеход на станцию откатали, а по миру слух пошел, что он утонул или его инопланетяне сперли. Ха!

– Его сконструировали в тридцать девятом, – взял слово Зэф. – Два двигателя по сто пятьдесят лошадиных сил вращали роторы спаренных генераторов, а трехметровые колеса

⁵ Объединенная Антарктическая Коалиция, см. «Метро 2033: Ледяной плен».

приводили в движение встроенные в каждое электромоторы по семьдесят пять литров. А на крыше у него даже есть небольшой самолет, рассчитанный на пять пассажиров.

– А если полететь? – с надеждой спросил ничего не понявший Паштет, уловив только мысль про самолет. – Оседлать эту штуковину и свалить к чертям собачьим?

– Куда? – с горечью ответил Тарас. – Куда ты намерен свалить? По кругу на ледышке кататься туда-сюда? Лететь... Да и горючку-то где взять?

– К тому же нас тут далеко не пять человек, – резонно вставил Батон. – Что, жребий кинуть надумал?

– Нам тут нечего ловить, бро. Нашими силенками эту дуру мы не запустим. Это я тебе как мех говорю. Представь, – Зэф начал перечислять, загибая пальцы. – Тридцатичетырехтонный монстр длиной семнадцать метров, высотой почти в пять и шириной в шесть. Столько соляры у нас и в помине нет, а о собаках и говорить нечего. К тому же в этих местах он способен передвигаться только задом. Ухнем под лед или в расщелину – и кранты. Офигеть круто, да?

– Да уж, – понурившись, уныло пробормотал Савельев. – Перспективка.

– Ну и толку тогда от этой новости, – отхлебывая из кружки, фыркнул Треска. – Этой кастрюле лет почти столько же, сколько базе.

– Мы перечисляем сейчас факты, бро, – исподлобья посмотрел на него Мичиган и ткнул себя большим пальцем в грудь. – Я говорю то, что знаю.

Помолчав и не дождавшись новых предложений, члены команды «Грозного» переглянулись.

– А к австралийцам наведаться, нет? – предложил Батон. – Откуда-то же они трактор свой притащили. Что у них там, станция или корабль?

– Корабль, – ответил Ворошилов. – Только толку с него, двадцать лет вместе с нами прокуковали. Да и топать не ближний свет. Не, отменяется.

– Может, по Двести одиннадцатой еще разок пошаримся? – неуверенно предложил со своего места Паштет. – Авось и наскребем чего нужного?

– Наскребли уже, – одернул приятеля нахмурившийся, и без того вечно всем недовольный Треска. – Так, что по самую маковку хватило.

– Рассчитываешь найти на заброшенной базе запчасти для военного атомохода? – невесело усмехнулся в усы Тарас. – Лихо, брат.

– К тому же мы пока не знаем размеры ущерба, нанесенного взрывом, – поддержал Савельев. – Так что рассуждать впустую можно о чем угодно.

– Думаю, в основном навигационную электронику зацепило, снаружи ничего нет, Батон проверил, – Тарас устало поскреб жесткую щетину. Охотник согласно кивнул.

Накануне, облачившись в громоздкое ИСП-60⁶ и проверяя баллоны ребризера ИДА-59М⁷, Батон и сам не мог сказать, почему первым вызвался на наружную подводную вылазку. То ли не был уверен в более молодых членах команды (не поваров же посылать, в конце концов), то ли требовалась банальная острая встряска. Может, ледяные воды хоть на какое-то время остудят бурливший в душе раскаленный котел.

В любом случае охотник не мог сидеть на одном месте, беспомощно сложа руки. Случайных местных тварей, кальмаров-переростков или пингвинов, он не боялся, но автомат-амфибию АДС⁸ с переключенным в первое положение режимом «вода/воздух» на плечо повесил. Наконец, вооруженный указаниями Тараса, на что в первую очередь обращать вни-

⁶ ИСП-60 – индивидуальное снаряжение подводника, в нем осуществляется выход из подводной лодки через люки и торпедные аппараты.

⁷ ИДА-59М – изолирующий дыхательный аппарат.

⁸ Автомат двухсредный специальный. Похожие разработки ведутся во многих армиях мира, но официально автомат, рассчитанный на стрельбу в двух средах, принят на вооружение только в России.

мание, Батон неспешно погрузился в мрачную пучину Атлантики и провел насколько мог тщательный осмотр «Грозного», один раз чуть не запутавшись в сетях, поставленных Треской, с накопившимся небольшим уловом.

– Да, обшивка чистая, без видимых повреждений. Насколько это было понятно. Но где запчасти для ремонта взять? Короче, так, – подводя итог невеселому перечислению накопившихся проблем, сказал Батон. – Для начала предлагаю изолировать базу, а то эта дрянь расползется еще. И наш склад от уже перенесенных контейнеров тоже очистить нужно.

– Дудки, чувак! Как хотите, но я ящики обратно в те катакомбы фрицевские не потащу, – мгновенно испугался Треска. – И почему они вечно какую-то жуть придумывали?

– Между прочим, кран для русского самовара в Германии изобрели, – заметил Паштет.

– И что с того? Какой идиот вообще ляпнул – «что русскому хорошо, то немцу смерть»?! Когда наоборот все вышло! После того, что с Ежи случилось, мне вообще по коридорам лодки одному ходить стрёмно. Проклято тут все, говорю я вам. Духами да трупами нашпиговано. Это не Королева Мод, а Королева Морг! Темная ледышка, нехорошая. Да и звук этот позавчера, – повар сделал паузу, подчеркивая значимость того, что собирался сказать, и, нахмурившись, исподлобья оглядел собравшихся. – Все ведь слышали.

Низкий, вибрирующий звук, тягуче поливший с юго-запада вечером, вероятно, слышали все обитатели обледенелого материка. Высыпав на палубу, выжившие с замиранием сердца смотрели на спокойный морской горизонт, из-за которого доносился могучий громopodobный рык невидимого то ли животного, то ли механизма.

– Буря? – с надеждой спросил стоявшего рядом Савельева Треска, у которого от страха душа ушла в пятки.

– Нет, – вслушиваясь в приносимые ветром зловещие оглушающие переливы, тот с сомнением покачал головой. – На ветер или гром не похоже. Это что-то еще.

– Что? – пробормотала Лера, чувствуя, как под курткой взмокнувшая тельняшка прилипает к позвоночнику, и все тело стремительно покрывается гусиной кожей.

– Поверь, если бы я знал, мне было бы намного спокойнее, – пробормотал хмурившийся рядом Батон.

– Тогда кит, – внес догадку Паштет. – Вот сейчас, слышите? Ну точно, кит это!

– Да, киты могут, – прищурившийся Тарас поднес к глазам бинокль, оглядывая горизонт. – Но какое до него расстояние? Горизонт чист. Животное каких размеров может издавать такой звук?

Внезапно густое монотонное дребезжание резко оборвалось на особо низкой ноте, и по ушам вместе с порывами ветра ударила звенящая тишина.

– Что за черт, – обескураженный старпом опустил бинокль, все еще продолжая вслушиваться.

Ничего. Только шум ветра и размеренный плеск волн, вылизывающих тело лодки.

– Как выключили, – механически стянув ушанку, отвороты-«ушки» которой были густо усыпаны рыболовными крючками всех мастей, суеверно перекрестился Треска.

– Чем бы оно ни было, то, что издавало этот звук, невероятно огромное, – Тарас продолжал всматриваться в горизонт.

В ту ночь разбредшиеся по каютам люди долго не могли уснуть, невольно вновь ожидая услышать идущий из-за горизонта громopodobный призыв неведомого существа.

– Ладно, с этим потом разберемся, – Батон отмахнулся от Трески, возвращая разговор в нужное русло. – Хошь не хошь, а с контейнерами решать придется, не за борт же их пускать.

– А что, идея! – дружно оживились повара.

– Не выйдет, – покачал головой Савельев. – Хотите, чтобы эту заразу течениями по всему свету разнесло? Я предлагаю где-нибудь их закопать.

– Согласен, – поддержал Тарас. – Тащить обратно к немцам смысла не имеет.

– Как вы намереваетесь это сделать? – поинтересовался присутствующий на собрании отец Михаил, неспешно перебирающий замусоленные деревянные четки. – Я имею в виду базу. Немецкое укрепление простояло в ледниках почти сотню лет.

– Так же, как предлагал в самом начале, когда мы не могли открыть дверь в технические помещения, – направленный взрыв. Обрушим ледники, и дело с концом, – Батон посмотрел на жующего деревянную палочку Макмиллана, которому с грехом пополам перевел Савельев. – Взрывчатки для этого хватит.

– Хех, вам лишь бы разрушать, – откликнулся американец. – Достаточно изолировать лабораторные помещения, и дело с концом. А то с ледниками мороки много. Вот в былые времена, с нужной техникой, а сейчас... Нет, ребята. Непредсказуемо это все.

– Я бы там все-таки еще пошарился, – упрямо пробормотал Паштет.

– Валяй, тебя никто не задерживает, – фыркнул Треска. – А я с превеликим удовольствием двинул бы домой.

– Набедокурили, а теперь не знаете, куда податься? – усмехнулся, снова присоединяясь к разговору, спелеолог Ворошилов. – Типа – гнездо разворотили, дел наделали, пора и честь знать.

– О чем это ты? – стряхивая задумчивость, вскинулся Тарас.

– Если бы вы не приплыли, австралийцы не позарились бы на лодку, и станция уцелела, – повысил голос Ворошилов. – Далась вам нацистские побасенки, сидели бы у себя и не высывались!

– Так мы теперь еще и виноваты? – с еле сдерживаемой яростью сжал кулаки Тарас. – Да за этот поход столько золотых мужиков головы положили, а вы тут...

– Ради чего?

– Слушай, ты. За шлюзом-ка следи, – старпом грохнул звякнувшей кружкой по столу, расплескав остатки чая, и угрожающе поднялся со своего места. – С офицером разговариваешь! Я, между прочим, присягу давал.

– Перестаньте... – вклинился в нарастающую перепалку о чем-то задумавшийся Савельев.

– Да всем чинам вашим и званиям уже двадцать лет грош цена! – поднялся навстречу Ворошилов. – Военные! Сами-то все и устроили. Планету угробили, людей с городами пылью развеяли, уродов по миру расплодили, а теперь решили грехи замолить? Не поздно вато ли, м?

– Ну, сволочь...

Тарас подался вперед, с рычанием протягивая к спелеологу могучие ручищи.

– Да погодите вы!.. – по изменившемуся лицу Савельева было видно, что его внезапно осенило. – Успокойтесь, капитан. И ты, Ворошилов. Нашли время. Драками проблемы не решить, только время теряем. Я вот что думаю. Корабль этот, застрявший в леднике. Мы еще мимо него по пути сюда проплывали. Как там название?

– «Лев Поликарпов», – все еще не спуская со спелеолога хмурого взгляда, ответил Тарас. – Который перед самой войной ушел.

– Точно, «Поликарпов», – продолжая что-то обдумывать, неторопливо кивнул Савельев. – «Поликарпов»...

– Может, озвучишь уже наконец, мыслитель? – поторопил Батон. – Сейчас любые предложения хороши.

– Это ведь исследовательское судно, так?

– Ну, – Батон переглянулся с Тарасом, тот кивнул.

– Вполне вероятно, что на нем может оказаться что-то полезное для ремонта, а?

Некоторое время в кают-компании царила давящая тишина.

– Какого лешего на научно-исследовательском судне должны найтись запчасти для атомной подлодки? – первым нарушил молчание удивленный Батон.

– Я имею в виду только то, что касается электронных деталей, ведь могут же быть похожие? Импульса, ломающего электронику, на полюсе не было. Эх! – метеоролог хлопнул кулаком по ладони. – Вот бы какую документацию по кораблю, это бы упростило дело.

– На разрушенной станции, может, что-то и было, – пожал плечами Ворошилов. – До Катастрофы у нас оставались две исследовательские бригады с «Поликарпова», с ними было много бумаг, в том числе и по судну. Были и ученые, не считая Степановых. Так что бумаги можно посмотреть в бараках, в тех, что поцелее.

– Это вряд ли, – раздраженно отмахнувшись, буркнул старпом и поправился: – Это я про детали.

– Смотрите. Базу отмечаем, «Новолазаревская» сожжена дотла, до других станций своим ходом не добратся, – оглядывая собеседников, продолжал рассуждать Савельев. – Лодки и снаряжение есть. Так почему бы не попробовать?

– Авантюра, – хмыкнул в усы Тарас. – Хоть «Поликарпов» действительно был корабль не простой, со специальным оборудованием – приемники спутниковые, системы наведения. Рассказывали мне кое-что. Он вроде входил в состав космической группировки войск. Но даже если после аварии там чего и осталось, за двадцать лет в этом холодильнике все скопилось. Да и кто ремонтом будет заниматься – ты? Нужны схемы, люди, разбирающиеся в силовых установках. Нет, брат, рук все равно не хватит, это тебе не радиолу в гараже паять.

– Мое дело предложить. Если есть другие варианты, пожалуйста, – Савельев допил остатки чая. – Но, по-моему, это шанс.

– Я могу помочь с силовыми установками, – впервые за все время совещания подал голос сидевший рядом с Рэнди здоровяк Мичиган. – Что-то мне подсказывает, что корабль за эти годы пришел не в лучшее состояние, но уверен, военному механику там будет на что взглянуть.

– Да уж явно не в лучшем, Капитан Очевидность. А инструменты? – спросил Макмиллан. – Где их возьмешь?

– Надо склад на станции посмотреть, может, не все сгорело. Да и тут на лодке наверняка необходимый инвентарь найдется, нужно только знать, где искать, бро.

В кают-компаниии вновь повисла напряженная тишина. Несмотря на тщетность попыток выработать конкретный и мало-мальски жизнеспособный план, каждому хотелось верить хоть и в призрачный, но все-таки шанс на спасение.

Из ледяного плена нужно было бежать. И как можно скорее.

Глава 2

Письма с неба

– Эй, черти, Лерку не видели? – поинтересовался заглянувший на камбуз Батон. – У Тахомы ее нет. Все палубы уже обшарил.

– Не-а, – отозвался скобливший плиту Треска, который после смерти Бориса Игнатьевича негласно стал главным коком. – Свалила она куда-то. Халтурит твоя пигалица, браток. Вон, пол недомытый. Что, авторитет растерял?

– Увянь.

– Она, наверное, к Отшельнику пошла, – сказал перебивавший у сушилки вилки и ножи Паштет, окрестивший так обитавшего в антарктическом храме настоятеля. – Библию с собой взяла, я видел.

– Давно? – нахмурился Батон.

– С полчаса где-то, – закатив глаза, прикинул Паштет.

– Ладно. Спасибо. И поглядывайте за ножами да крышками от консервов, а то еще порежет себя, чего доброго. Голова у нее сейчас что угодно выкинуть может.

– Угу. Как скажешь, начальник.

Опять.

Переживавший за девчонку Батон стал замечать, что Лера все чаще навевалась к священнику. И даже как будто сознательно начала сторониться общения со своим наставником, вяло поддерживая разговоры и на расспросы отвечая невнятными односложными фразами.

Да и сама девушка, искавшая успокоения от пережитых невзгод в беседах с отцом Михаилом, со временем начала тянуться к одинокому священнику не только как к духовному наставнику. Она чувствовала, как внутри еле уловимо поднимается что-то еще.

Отец Михаил читал переживания и мысли потянувшейся к нему девушки, как в раскрытой книге, все больше и больше располагая к себе «прихожанку». Он много расспрашивал о жизни Леры в Пионерском убежище после войны, о местных нравах, об обычаях и условиях, в которых приходилось существовать горстке выживших под Калининградом.

Он был добрый, спокойный и какой-то... домашний. Или это ощущение у Леры вызывали многочисленные иконы на стенах, напоминавшие о келье юродивого Птаха в Пионерском убежище. Лера не могла точно сказать. Но знала одно: с момента, как она впервые переступила порог храма, ее тянуло сюда все сильнее.

Да и рассказывать священник умел совсем не так, как это делал Батон – вечно хмурый, ершистый или попросту пьяный в дым. Что-то было в нем. Нечто новое. Что-то по-настоящему человеческое, что Лера не могла как следует разобрать, но начинала понемногу тянуться к этому необычному мужчине.

Сорокалетний отец Михаил, в прошлом чилиец Мигель, принял православие уже после Катастрофы и был крещен русским батюшкой, который умер через несколько лет после войны. Он рассказал Лере, что церковь Святой Троицы была первой православной церковью в Антарктике, построенной еще до Катастрофы на острове Ватерлоо недалеко от российской станции «Беллинсгаузен». А затем, после Катастрофы, ее с невероятным трудом перенесли к «Новолазаревской».

– Чили, – как-то, потягивая горячий чай из кружки, нахмурилась Лера. – Какое странное слово. А что это?

– Это место, откуда я родом, – с грустью вздохнул настоятель, поставил свою кружку на плитку, кочергой отодвинул заглушку и поворошил заискрившие угли. – Было когда-то

такое государство на юго-западе Южной Америки. Слово «Чили» на одном древнем языке означало «холодный» или «предел».

– Холодный! – оживилась девушка. – Прямо как здесь?

– Да нет же, нет, – тихо засмеялся отец Михаил. Достал с одной из полок увесистую книгу, полистал и, развернув, положил Лере на колени. – Это совсем другая страна. Там не бывает снега. Вот, смотри.

Книга оказалась старым Атласом мира. Такие она видела в кабинете погибшего капитана Лобачева в Убежище. У Леры снова кольнуло сердце.

– Это, – настоятель повел пальцем по пожелтевшей от времени бумаге, – одно из двух государств Южной Америки, имеющих... имевших выход к Атлантическому океану, по которому вы приплыли сюда и, как я слышал, встретились по пути с гигантским чудовищем.

– Ага, – согласно кивнула Лера. – Огромный, почти с лодку! Щупальца гигантские, глаза – во-от такие! Куча глаз! А еще там были светящиеся медузы, меня даже выкинуло за борт, и я чуть не умерла от переохлаждения, а еще один из тех поляков, что плыли с нами...

Лера запнулась на полуслове, сообразив, что слишком разоткровенничалась, и поспешила сделать большой глоток, прикрыв краем чашки глаза.

Взяв с ее колен атлас, настоятель закрыл его и аккуратно поставил на место.

– Да уж, повидала ты на своем пути. И как все в конце обернулось...

– Вы не представляете...

– И давай уже на «ты», к чему все эти расшаркивания, – Михаил оглядел погруженное в полумрак ветхое помещение церкви, в котором они были одни. – Сейчас-то уже чего. Сколько нас таких, сыновей божиих, на земле осталось. Несколько тысяч? Пара десятков? Эх...

– А вы... ты бы не хотел вернуться домой? – допив пряный травяной отвар и вытерев губы тыльной стороной ладони, осторожно спросила Лера. – Или хотя бы посмотреть, что там осталось? Может быть, кто-то выжил?

– Да что там могло остаться, – отмахнулся священник, и девушка впервые уловила в его голосе жесткие нотки. – Пепел, разрушение, боль. Все порушили, стерли с планеты начисто. Нет больше ничего, Лера. Больше ничего нет. И надежды нет. Некуда плыть.

– А бог на небе? Как же он?

– А что он. Бог, – устало проговорил мужчина. – Бог всегда здесь. – Он указал на свое сердце. – Вот только ничем не может уже помочь. А небо... Небо только и делает, что плачет радиоактивным дождем. А ведь когда-то давно оно было ванильным, чистым, мягким, спокойным и таким прекрасным, когда солнце садилось за горизонт.

– Но ведь мы же приплыли, – робко вставила девушка. – Вдруг и в вашей стране кто-то есть. Я вот хоть узнала судьбу родителей. Так легче. Хоть и тяжело на душе. А у тебя есть... была семья?

– Нет там никого, Лера, – Михаил отвернулся от собеседницы. – Руины, пыль да призраки. А теперь и здесь ничего. Ваша лодка – чудо. Но уже никому не нужное. Поздно. Слишком поздно.

Он помолчал и, ссутулившись, тихо закончил:

– Зря вы приплыли. Ничего нет, а снова кровь.

Лицо девушки дернулось, словно от пощечины.

– Мы не хотели, ты же знаешь.

– Никто не хотел.

Посмотрев на пустую кружку, Лера поставила ее на печь рядом с кружкой священника.

– Знаешь, за годы, проведенные здесь... Вроде живешь, а остального мира как бы и не существует. А теперь его и вправду нет. Каково это?

– Это страшно, – почти прошептала девушка.

– Страшно, – повторил Михаил. – Какая-то часть тебя просто умирает, и все. А ты даже не сразу догадываешься, почему.

– Как... как вы узнали? – спросила Лера и сама испугалась вопроса.

– Ловили обрывки передач. Связь полностью оборвалась на вторые сутки. А потом тишина. Неделя. Месяц. Год за годом, двадцать лет. Молчание и больше ничего.

Сплетя пальцы, Лера с такой силой сдавила руки коленями, что заныли кисти.

– Больше ничего.

– Я знаю, что такое одиночество, Мигель.

– Нет, Лера. Не знаешь.

– Послушай, если это из-за семьи...

Договорить не решилась, и так заранее зная, что оказалась права.

– Я не хотела.

– Можешь сейчас уйти? Пожалуйста.

Священник впервые за все время их знакомства попросил оставить его одного. Помявшись, но проглотив душившие ее слова, Лера встала и, взяв шапку, тихонько направилась к выходу. Выходит, у него была семья, которой не удалось пережить Апокалипсис, и она по неосторожности пробудила хрупкие воспоминания вновь. Девушка почувствовала себя виноватой. Хотя за что теперь им было винить себя? За боль, которую пронесешь с собой до могилы? За утраченное счастье, которое теперь являлось всего лишь словом?

Нет. Виноватыми должны были чувствовать себя другие. Палачи, которых уже давным-давно не существовало.

– Пстой!

Дойдя до двери, Лера остановилась и обернулась. Догнавший ее Мигель протянул девушке небольшой сверток в ветхой тряпице.

– Вот. Возьми.

– Что это?

– Это принадлежало твоей матери. Она часто приходила сюда.

– А что внутри? – у Леры дрогнуло сердце.

– Не открывал. Она все время молилась. Наверное, за тебя. Ступай.

Вернувшись на место, священник, снова поникнув, сел перед печкой, и, глядя на мечущийся за перегородкой огонь, неторопливо зашуршал четками.

Молясь.

За кого? Для чего?

Один. Столько лет проведенный вдали от мира, которого больше нет. Человек, для которого не тронутая войной, чистая от радиации земля стала земным адом.

– Прости, – прошептала Лера и закрыла за собой дверь.

Вернувшись на лодку и заперевшись в каюте, она стянула куртку, не сводя глаз с лежащего на застеленной койке свертка, который с любопытством обнюхивала мышь. Что же там? Вещи, воспоминания, слезы? Очередная боль прошлого? Чего такого могла оставить мама в одинокой церквушке на краю света. Кому?

Усевшись на одеяло и заправив за ухо выбившуюся прядку волос, Лера осторожно взяла переданную Мигелем вещь и положила к себе на колени. Ну же, смелей. Не зря ведь отец Михаил хранил это у себя столько лет...

Наконец Лера потянула за бечевку и развернула сверток.

Несколько пожелтевших от времени тетрадных листов в линейку. Такой знакомый аккуратный почерк, чем-то похожий на ее собственный, местами чуть заваленный, – видимо, дрожала рука. И короткие строчки, столбиком, одна под другой... Лера вчиталась, чуть шевеля губами.

Красный солнца луч едва виден из-за туч,
Баю-бай, мой лисенок, засыпай.
Носик хвостиком прикрой, не достанет волк ночной,
В колыбельке ты лежишь, тихо носиком сопишь.
Баю-бай, баю-бай...

Колыбельные.

Для нее.

Письма с неба.

В некоторых местах слова были нечитаемы из-за пятен, размазывавших чернила. Сияющая разобрать строчки Лера поняла, что это за пятна, когда обнаружила, что плачет. Отложив листок, она уперлась локтями в колени и уронила в ладони лицо.

Мама! Мамочка... Несмотря на весь ужас войны, на отсутствие какой-либо информации о том, жива ли Лера вообще, материнское сердце томилось, спешило поздравить с днем рождения, пело колыбельные своей кровиночке, прекрасно зная, что никогда уже ее не увидит.

Дурак Мигель! Зачем! Ну зачем он это сделал? Зачем разбередил и так не заживающую, полную страдания и лоскутов воспоминаний рану! Наверняка все посмотрел, потом завязал назад и прикинулся, что ничего не знает.

Конечно же, это было не так. Она знала.

Равно как знала, что боль не отпустит уже никогда.

Возвращаться в храм не хотелось, хотя Мигель был тут совершенно ни при чем. Никто уже был ни при чем.

Баю-бай.

Баю-бай...

* * *

Но пока лодка оставалась запертой во льдах, владеющий русским настоящим продолжал подолгу беседовать с Лерой, рассказывая о своей жизни до войны, и даже понемногу стал учить любопытную девушку испанским словам и фразам.

Так что теперь, помимо английского, она понемногу практиковалась в испанском, избрав себе в жертвы Паштета с Треской, которые в свободную (как всегда, сугубо по их личному мнению) минуту по обыкновению забились на камбуз и резались в домино вместо того, чтобы помогать Лере стряпать нехитрый ужин из свежевывловленной «рыбы антарктических льдов».

Тем не менее, неразлучная парочка и в этот раз против собственной воли сумела поднять Лере невеселое настроение.

– Может, вы все-таки бросите валять дурака и поможете? – не выдержав, поинтересовалась Лера, отирая пот со лба кулаком, в котором держала нож для разделки. – Тахоме нездоровится, так я что теперь, на всех мужиков одна готовить должна, что ли?

– Давай-давай. Швидше. Мы ее ловили, значит, тебе – чистить, хе, – невозмутимо парировал Треска, делая очередной ход. – Не впервой, не развалишься. Да смотри, не перевари, как вчера.

– Ага! Не проворонь, – присоединился к приятелю Паштет. – Чужой труд уважать надо. К тому же у нее ни чешуи, ни запаха, ни костей, сплошное филе. Режь себе да режь.

Как узнала Лера, этого хека окрестили «ледяным» за абсолютно белую кровь. Взяв из таза очередную склизкую рыбину, она точными движениями отрезала ей плавники и голову, выпотрошила брюшину и промыла.

– Истину глаголешь, чувак. Не зря же мы все утро зады в резинке морозили.

– Lo sentó! Almuerzo en veinte minutos!⁹ – отложив на доску нож, неожиданно громко рявкнула девушка.

– Чего ты там лопочешь, пигалица, – не отрываясь от игры, бросил через плечо Паштет и не глядя звонко треснул потертой костяшкой о стол. – А ннн-аа тебе!

– Рыба¹⁰... – разглядев костяшку, Треска разочарованно оскалил гнилые зубы. – Бли-и-ин.

– Ну, извините, – развел руками Паштет. – Сам не ожидал.

– Да шут с тобой, – отвернулся от ничьей Треска. – Говорено сколько раз было – только в шапке снаружи ходить.

– Знаю, – не оборачиваясь, беззлобно огрызнулась девчонка. – Просто надоело все. К черту пошло.

Вдруг, ловко подбросив, она поймала опасно крутанувшийся нож за ручку и с гулким стуком воткнула его в брызнувшую рыбьей слизью разделочную доску.

Парочка насмешников попритихла.

То-то, пусть не забывают, что она – охотница. Смежив веки, Лера медленно выдохнула через губы.

– Знать-то знаешь. Ан вон, видать, последнюю извилину в котелке-то и отморозила, – недовольно поморщившись, заключил Треска, явно не впечатленный показом. Или попросту его не заметивший.

– Mallrats más animado! De lo contrario irna que aqun es usted!¹¹ – еще больше злобно веселясь от того, что повара ни черта не понимали, прикрикнула Лера, для виду с разворота замахнувшись на приятелей половником, вынутым из бурлящей кастрюли с доходящей ухой.

Да что с ней такое? Ведет себя, как тринадцатилетняя девчонка. Бросается на всех, кусает, огрызается, как подросток. Спротивляется неизвестно чему, лишь бы только отстоять себя. Оставить за собой последнее слово.

Просто боль была не физической. Она рвалась из глубины души. Противоречивые чувства путались, только сильнее раздражая Леру.

А ведь, как ни крути, застывшие у стола мужики были ее друзьями. Они столько вместе перенесли, добираясь сюда. Неожиданно девушке томительно захотелось одиночества.

Переменившись в лице, Лера опустила половник, с которого на неумытый пол неторопливо закапал бульон.

– Слушай, а может, действительно поможем, – неуверенно предложил Паштет, сгребая к себе костяшки домино и с тревогой косясь на девушку.

– Эт еще почему? – откинувшись на стуле и скрестив руки, с напускной невозмутимостью недовольно цыкнул зубом Треска.

– А вдруг она... заболела, короче. Ну, простудилась там, от... Тахомы, – предположил Паштет. – И бред у нее сейчас. Вот и порет ахинею всякую. Смотри, белая вся.

– Ха!

Но Паштет все больше укреплялся в своей теории.

– Прикинь, если Батон узнает, что мы ее больную на камбузе гоняли, – понизив голос, чтобы не слышала девушка, испуганно сказал он. – Он же из нас калачей только так настрогает.

⁹ Чего расселись! Обед через двадцать минут! (*исп.*)

¹⁰ «Рыбой» называют ситуацию, при которой все игроки имеют костяшки на руках, но не имеют возможности ходить. Подобная ситуация возможна тогда, когда на стол выложены все шесть (не считая дубля) костяшек с одинаковым значением и оба конца цепи замыкают кости с этим же значением.

¹¹ Живее, лоботрясы! Иначе я вам тут такое устрою! (*исп.*)

Уперев руки в боки, Лера с явным удовольствием наблюдала, как самодовольную гримасу Трески быстро сменяет растерянность. Такого поворота повар явно не ожидал.

– Заболела... – неуверенно протянул он и потер ладонью вислую небритую шею, словно уже ощутил на ней стальную хватку охотника на мутантов. «Да уж, такие мужики, как Батон, жопой лом напололам ломают», – подумал Треска, а вслух добавил: – От Тахомы, говоришь?

– То-то и оно, – поддакнул Паштет.

– Ладно уж, идем-идем, бесноватая, – подозрительно хмурясь, набычился Треска. Отодвинув Леру плечом, он вытащил из доски нож и принялся ловко свежевать остатки рыбы. – Дуй вон, остальным скажи, что скоро готово будет.

– Сию минуту! – сунув тряпку и половник Паштету, Лера пулей вылетела с камбуза.

– Лиса Патрикеевна, блин, – проворчал вслед Треска, кидая в дымящуюся кастрюлю новую порцию нарезанного филе. – Ведь каждый раз обедеет, и как с гуся вода.

* * *

Тем временем приготовления к вылазке на «Лев Поликарпов» шли полным ходом. И немудрено – ведь каждому из членов команды хотелось поскорее убраться с чужой мертвой земли.

Вернувшиеся с руин разрушенной русской станции американцы приволокли на санях пару ящиков хоть и обгоревшего, но еще сносного инвентаря. Нашлись и несколько почерневших папок с документацией по «Льву Поликарпову» и характеристиками русских ученых. Последние Батон предусмотрительно отсортировал, чтобы те ненароком не попались на глаза Лере. Эти знания сейчас девушке нужны были меньше всего.

Под руководством Ворошилова на складе обнаружилось альпинистское снаряжение, которое сейчас деловито распределяли по лодкам Савельев и Паштет.

Для вылазки отобрали самых выносливых из уцелевших членов команды «Грозного» и «Новолазаревской»: Тараса, Батона, американцев, Савельева и неразлучных поваров. Несмотря на возникшую между ним и Тарасом неприязнь, Ворошилов тоже вызвался: мол, лишние руки не помешают. Да и вряд ли кто-то сверху любезно спустит им трап – навыки альпиниста пригодятся. Старпом на это заявление только хмуро промолчал.

– Ты действительно рассчитываешь что-то найти на посудине русских? – поинтересовался Макмиллан, пока они с Мичиганом в полутемном техническом отсеке «Грозного» аккуратно распределяли по рюкзакам необходимые инструменты, отобранные Зэфом. – Я ни черта не смыслю в механике, но вот тебе мое слово, старина: это пустая затея.

– А почему бы и нет, бро. Лодка и корабль – оба военные, – чернокожий гигант привычными движениями неторопливо оборачивал промасленной тряпичкой большие кусачки. – Надо на месте поглядеть, чего догадки строить.

– Ставлю шляпу, что наша прогулка будет бесполезной, – хмыкнул техасец, засовывая в пузатый брезентовый рюкзак очередной набор отверток.

– Посмотрим, бро, посмотрим. Главное, чтобы на обратном пути груженные лодки не подвели.

– Так надеешься раздобыть что-то полезное? Фонари взял?

– В той сумке.

– Угу. А не боишься напороться на своих любимых духов? – иронично поддел суеверного приятеля американец. – Настоящий корабль-призрак! Уверен, то еще местечко. Как думаешь, призраки русских страшнее фрицев?

– Опять ты за свое. Да, боюсь. Но у нас нет другого выхода. Я почти смирился с тем, что буду до конца дней морозить зад в этой проклятой дыре. Но если есть хоть какой-то, пусть маленький, но шанс двинуть отсюда... – Мичиган передал приятелю завернутые кусачки и, округлив глаза, с многозначительной миной ткнул большим пальцем себе в грудь. – Я готов рискнуть.

– Понимаю, – засовывая протянутый инструмент в рюкзак, со вздохом кивнул напарник. – Но у меня все равно о-очень плохое предчувствие от этой затеи.

Спустившись по украшенному гирляндами сосулек трапу, Лера подошла к Батону, который с пирса наблюдал, как Савельев и Паштет проверяют связанные между собой и уже частично загруженные лодки.

– Дядя Миша, я тоже хочу, – после небольшой паузы тихо попросилась она, встав чуть позади него.

Погруженный в свои мысли охотник даже вздрогнул от неожиданности и, повернувшись, удивленно оглядел напарницу. Девушка была в полной экипировке, волосы собраны в хвост. «Бизон» на плече и никаких признаков Чучундры. Из-под шапки решительно смотрят светящиеся знакомым азартом зеленые глаза. Значит, не шутит.

Эх, лисенок.

– С чего удумала?

– Сколько можно на одном месте сидеть! Или я вам уже не помощница?

– А где твоя Чипушила?

– Ее зовут Чучундра.

Шутка не прошла.

– Помощница-то помощница, но там опасно может быть. Одному черту известно, что за двадцать лет могло произойти. Мы и так рискуем, но делать нечего, не помирать ведь прикажешь в этом холодильнике.

– Но вы же со мной, – Лера похлопала по оттопыренным карманам разгрузки. – Я готова. Все необходимое собрала: нож, дополнительные рожки.

Батон мельком переглянулся с возящимся у головной лодки Тарасом, заметившим подошедшую девушку. Поймав вопросительный взгляд, старпом отрицательно помотал головой.

– Сиди-ка ты лучше на «Грозном», дочка, – снова повернулся к Лере охотник. – Кстати, как самочувствие?

– Нормально, – та нетерпеливо отмахнулась.

– А Чуча?

– Я хочу с вами, и я не боюсь! – Лера с вызовом вскинула подбородок.

Как же она хорошеет, когда храбрится. У Батона дрогнули уголки губ, но он только сильнее нахмурился. Глаза-то по-прежнему красные и опухшие. Плакала? Плакала.

С одной стороны, встряска ей сейчас не помешала бы, хоть от грустных мыслей отвлечется. Но от вылазки на таинственное, двадцать лет назад брошенное судно веяло смутным чувством непонятной тревоги. А интуиции закаленный годами охотник давно привык доверять.

– Не сомневаюсь. Но ты сейчас только место в лодке будешь занимать, а на «Поликарпове», если дело выгорит, нужны крепкие мужики. Механизмы тяжелые таскать придется.

– Во-во! Нечего у нас под ногами мельтешить, – ворчливо поддержал охотника проходивший мимо Треска, ссутулившийся под весом связанных в толстые бухты веревок с позвякивающими «кошками» на концах. – Пушай дома сидит, со своей старушенцией уху варит, хех. А то, чую, мы на той посудине такой аппетит нагуляем, мама не горюй. И смотри, лиса, бардак на камбузе устроишь – уши надеру.

– А ну-ка, иди, куда шел! – ядовито отозвалась Лера и, шагнув вперед, замахнулась кулачком.

– Ой-ой-ой! Фурия прям, страшусь-страшусь! – хихикнул Треска и на ходу поправил ношу, невозмутимо направляясь к одной из покачивающихся лодок. – Брысь отсюда!

– Все, марш на «Грозный», – строго скомандовал Батон.

– Но дядя Миша... – ссутулившись, Лера сделала последнюю, слабую попытку возразить.

– Никаких «но». Мое слово крайнее. Марш! На твоём месте я бы попробовал хоть немного поспать.

– Бли-ин, – разочарованно буркнула девушка и неохотно поплелась по трапу обратно на лодку, мимо двух спускавшихся навстречу американцев, навьюченных рюкзаками.

– Ну что, мужики, все готовы? – выбравшийся из лодки Тарас оглядел выстроившийся на пирсе полукругом отряд из восьми человек. – Тогда выдвигаемся.

Дождавшись, когда связанные между собой лодки отойдут на значительное расстояние, Лера поднялась по трапу обратно на борт.

* * *

Дверь с лязгом отворилась наружу, и по последней бетонной ступеньке зашелестела струящаяся ручейками ржавчина. Сколько лет к ветхому металлу не прикасались человеческие руки без защитных перчаток, Лера не знала.

Продолжая надавливать, сильнее отворяя дверь, она зажмурилась, когда в расширившемся проеме сквозь клубящуюся пыль мелькнул смазанный диск заходящего солнца, тонкий луч которого алым лезвием хищно скользнул по щеке.

Легкую прохладу подземелья стал теснить удушливый воздух остывающей поверхности.

Вот уже двадцать лет, как предоставленный сам себе незнакомый город спал беспробудным сном. Не чувствуя страха, Лера вышла из подвального помещения разрушенной взрывом многоэтажки на небольшой, заросший бульвар, сквозь растрескавшийся асфальт которого резво пробивалась вьющаяся лиловая поросль.

Лера не чувствовала страха или растерянности, скорее, ею владело любопытство. Залитые алым багрянцем пустующие дома и автостоянки, разграбленные ларьки и супермаркеты, в которые больше никто и никогда не придет, и видимое сквозь мельтешащую радиоактивную пыль кроваво-красное небо над головой. Пейзаж больше походил на сюрреалистичную сказку, чем на рукотворный кошмар, созданный человеком.

Вокруг царило радиоактивное лето. Но ведь на самом деле должна быть зима, разве не так?..

Девушку не пугало незнакомое место и тот факт, что она не знала, каким непостижимым образом перенеслась сюда с лодки. Значит, так было нужно.

Город не был похож на родной Пионерск и явно превосходил его по размерам. Продолжая оглядываться, Лера пошла вперед, словно находилась на экскурсии. Звонкое цокание босоножек тонуло в чернеющих оконных глазницах нависавших над головой домов.

На девушке было только короткое нежно-розовое платье с кружевной лентой на талии, то самое, в котором она была сфотографирована с родителями на единственном сбереженном снимке незадолго до начала войны. Только теперь детский наряд был чудесным образом впору взрослой девушке. Налетавший сухой ветер шевелил волосы, густой рыжей волной ниспадавшие на обнаженные лопатки.

Но как она могла нарушить все меры безопасности и выйти на зараженную поверхность вечером, без оружия и химзащиты, нарушив сразу дюжину неписаных правил любого

охотника или матерого выживальщика?! Почему с ней нет дяди Миши? Кто, в конце концов, ее отпустил?

Ведь все вокруг Леры буквально сочилось радиацией! Новый порыв ветра колыхнул тюлевый подол платья, едва прикрывавший колени.

Вот в стороне Лера заметила переливающуюся голубоватым свечением лужайку безымянных цветов, точь-в-точь как в окрестностях Пионерска, у маяка. Один из таких красавцев незадолго до отплытия «Ивана Грозного» подарил ей на день рождения дядя Миша.

«На ромашку или розу вроде не похож. Вот и гадай теперь, кто. Цветочек аленький!» – так сказал тогда ее дед.

Впереди показалась заброшенная автостоянка, где еще оставались автомобили, мшистыми глыбами вросшие в землю. Неожиданно из-за одной из них показалась высокая фигура, которая, сделав несколько шагов, замерла и, словно в приветствии, пошатываясь, подняла над головой руку.

Остановившаяся Лера козырьком приложила ладонь к глазам и пригляделась.

Дядя Миша!

Ура! Вот теперь-то все точно будет в полном порядке. Ведь только с ним Лера по настоящему ощущала себя в безопасности. Воспитавший в ней охотницу человек был не просто наставником, а заступником и отцом.

Чувствуя, как сильнее колотится сердце, Лера ускорила шаг.

Опустив руку, дядя Миша тоже пошел навстречу, неуклюже обойдя огрызок парковочного шлагбаума с облупившейся черно-желтой «зброй» и лопнувшей аварийной мигалкой. Что-то в его походке показалось Лере странным, но она не сбавила шаг.

– Дядя Миша! – подойдя к охотнику, радостно воскликнула девушка.

– Не... ди... уда... – хрипло проговорил Батон, и из уголков его рта с утробным бульканьем побежали алые струйки крови.

Радость сменилась испугом.

– Вы ранены?!

– Не... ди... уда... – снова повторил Батон, невидящим взглядом смотря куда-то на улицу позади Леры.

Не ходи туда – наконец, сумела разобрать вконец растерявшаяся Лера. Но куда? Куда не следовало ходить?

– Куда, куда мне не стоит ходить? О чем вы говорите? – тут только Лера заметила, что в руке дядя Миша крепко сжимал стеклянную емкость, одну из тех, что хранились в немецких контейнерах для транспортировки вируса. – Дядя Миша, что с вами случилось? Вы ранены...

Внутри Батона что-то громко хрустнуло, он запрокинул голову и, сломав в кулаке брызнувшую стеклом емкость с вирусом, издал рык, который вряд ли был по силам человеческим связкам. Его могучая грудь вспучилась, тельняшка разорвалась, и из грудины, ломая ребра, вылезло окровавленное существо со скалящимися мордами Паштета и Трески.

– А-ла-ла, а-ла-ла, – с бульканьем захлебываясь льющейся кровью, ехидно пропела плешивая голова Трески. – Появилась го-ло-ва-а-а!

Слева от девушки на застонавший корпус джипа упруго запрыгнул Ежи в своей конечной стадии мутации.

– Не бойся, доченька, я с тобой, – прорычало существо голосом блаженного Птаха.

– Не-е-ет! – отчаянно закричала Лера, потянув руку за плечо, но привычно висящего «Бизона» там не было.

По ушам резко ударил леденящий душу вой невидимых баззеров противовоздушной тревоги, эхом заметавшийся по дворам, а алое небо уже чертили дугообразные топливные

следы, тянущиеся за мерцающими звездочками приближающихся боеголовок. Окружавшие ее чудовища хором завывали.

Лера попятилась прочь от Батона, и что-то тут же схватило ее за лодыжку, в том самом месте, где на коже остался спиралевидный точечный след от злополучного укуса мутанта-Матери еще в Пионерске, до отплытия лодки.

Посмотрев вниз, девушка увидела высунувшуюся из земли голову метеоролога Савельева, чьи глаза вращались в глазницах, а лицо бугрилось и растекалось, словно тающий воск.

Из раскрытого рта тянулся длинный шипастый язык, пачкавший кожу Леры липкой паутинообразной слюной. Обезумевшая от ужаса девушка попыталась стряхнуть его, но он неожиданно вывалился из разъявленных челюстей. Голова Савельева с чавканьем взорвалась, до колен испачкав ноги Леры кроваво-сероватыми сгустками.

Прижав кулачки ко рту, девушка громко завывала, наблюдая, как из развороченной массы, откуда пульсирующими толчками на асфальт вытекала бурая кровь, с клокотанием поднимается ее собственное облепленное извивающимися червями лицо...

Лера попятилась прямо на грузно навалившегося Василя, который сбил ее с ног и перевернул лицом к себе. Крепко держа девушку за волосы, он принялся ножом отпиливать ее ухо, второй парой рук срывая с брыкающихся бедер джинсы, рвущиеся на кровавые лоскуты...

Лера закричала и рванулась, скидывая на пол одеяло, и до смерти перепугала мышшь, спавшую в ботинке. Потрявоженный зверек с громким писком отбежал в дальний конец каюты, недовольно поджав хвост.

– Прости меня, Чученька, – непослушными губами пробормотала Лера, убирая с лица склеенные испариной волосы. – Ради бога прости. Я не хотела тебя пугать.

Девушку бил сильный озноб. Сколько, ну сколько еще это может продолжаться? Она не в силах больше бороться с не желающими отступить кошмарами. Не помогало даже снотворное, которое с помощью Савельева все-таки удалось раздобыть в медпункте. Наоборот, с каждым днем становилось все хуже.

За что ей все это?

Сколько сейчас времени? Сколько она проспала? Поджав ноги и прижавшись пылающим лбом к дрожащим коленкам, Лера зарыдала.

– Я не могу больше так. Пожалуйста, отпустите меня.

С каждым разом кошмары становились все более страшными, кровавыми и жестокими. Настолько реальными, что Лера боялась ложиться спать. На выручку приходила лишь усталость от тревог и пережитых лишений последних дней. Да беседы с отцом Михаилом, которые становились все чаще. Только от них на душе у девушки на какое-то время восстанавливался хрупкий покой.

В колыбельке ты лежишь, тихо носиком сопишь.

Баю-бай, баю-бай...

– Мамочка. Где же вы все?!

Размазав по лицу слезы, кое-как натянув прилипшую к телу тельняшку и джинсы, Лера нетвердой походкой выбралась из каюты, спустилась по трапу и, то и дело задевая головой змеящиеся по стенкам трубопроводы, заторопилась в санузел, чувствуя подступающую дурноту. Едва она, упав на колени, успела откинуть крышку гальюна, как ее безжалостно вывернуло желчью. Подождав, пока пройдет спазм, трясущаяся Лера поднялась, опираясь рукой о стенку, но из-за судороги не смогла справиться с системой клапанов слива фановой воды – босая нога то и дело соскальзывала с педали спуска.

– Да пошла ты к чертовой матери! – из последних сил надавив, Лера наконец смогла включить зашумевший слив.

Опустив крышку, она села на унитаз, уперев пылающее лицо в сжатые кулаки. В родном Пионерске думали, что живут в аду, но они ничего не знали.

Настоящий ад был здесь. В белом, орошенном кровью бесконечном плену, жадно высасывавшем из жалких остатков человеческой расы разум и души. От очередного осознания того, что все их невероятные усилия были напрасны, что все жизни, которые им пришлось потерять, и лишения, которые пришлось перенести на пути к Антарктике, оказались всего лишь пшиком, иллюзией, внутри Леры вновь заклокотала чудовищная бессильная злоба, от которой замутило и потемнело в глазах.

– Будьте вы все прокляты, – прохрипела она, чувствуя во рту желчную горечь, – словно лизнула батарейку. Нужно было прополоскать рот. – Почему я расплачиваюсь за вашу войну?

Хотелось кому-то выговориться, но идти в церковь к Мигелю сейчас не было ни сил, ни желания.

Попробовать починить лодку – что за бредовая идея! Разве не очевидно, что все они останутся здесь, пока не умрут. Медленно, от голода и неизвестной болезни.

А ведь несколько ящиков этой дряни с базы «211» все еще находились на борту. Незадолго до нападения австралийских убийц-мародеров члены команды успели перенести пару контейнеров со штаммами вируса на борт «Грозного». Вот только где именно они хранились, Лера понятия не имела: посвящать ее в детали, разумеется, никто не стал.

Правда, остальные не знали, что во время собрания в кают-компании, когда было принято решение о вылазке на «Поликарпова», притаившаяся в коридоре девушка с замиранием сердца услышала предложение уничтожить вирус.

Скорый на решения Батон даже выдвинул мысль завалить вход в базу взрывчаткой, чтобы заново погрести под завалами неукротимую чуму.

Вот только охотников до такой работы нашлось не ахти как много. Паштет с Треской – так те вообще тряслись от страха. Трусые. Как их еще в команду набрали. Дядя Миша запретил ей отправиться на корабль родителей, а она одна стояла двоих таких поваров.

Дело было к полудню, – а значит, она полежала всего ничего, и отряд с «Поликарпова» еще не вернулся. Озноб постепенно отступил, а вместе с ним притупилась и ярость. Поднявшись, Лера умылась и прополоскала рот, сплюнув вязкую горчашую слюну в раковину. В дверном проеме показалась любопытная мордочка Чучундры.

Лера открыла пудреницу, подаренную Юриком, единственный осколочек дома, который у нее остался. И не узнала лица в отражении. Оттуда, из зазеркального мира на нее смотрел совсем другой человек, взрослый, незнакомый, с заострившимися чертами лица и выступившими кругами под глазами. Кто-то чужой, загнанный и злой.

Птица счастья завтрашнего дня
Прилетела, крыльями звеня.
Выбери меня!
Выбери меня!
Птица счастья завтрашнего дня...

В памяти зазвучала беззаботная песенка, которую горланил, путая буквы, шныряющий по Убежищу мальчишка, подаривший ей в путешествие еще и самодельную рогатку. Как будто воинственное оружие детства смогло бы ее защитить. От чего? Рогатка годилась сейчас только на то, чтобы тренироваться в меткости, постреливая в пустые банки из-под консервов, расставленные по всему судну в виде случайных мишеней.

Сколько же с тех пор выплеснулось жестокости, когда Лера, спасая Батона, застрелила капитана австралийских налетчиков.

Ссутулившаяся девушка тяжело вздохнула. Теперь помимо мутантов она умеет убивать и себе подобных. И совсем не из рогаток. Правда, хватит ли у нее силы и выдержки совершить такое во второй раз, Лера не знала. Новый изуродованный мир диктовал новые правила, под которые приходилось подстраиваться, иначе за зазевавшимся неизменно приходила горбатая с косой.

Лера снова мысленно спросила себя: правильно ли она сделала, пробравшись в ту ночь на лодку, так легко порвав с хоть и хрупким, но все-таки худо-бедно налаженным за столько лет существованием? Прислушалась к своим ощущениям.

Променять более-менее сытую жизнь в теплом, защищенном Убежище, пусть и не с любимым человеком, но в статусе жены сына одного из Старейшин, – на неизвестную жестокую смерть от голода и болезней в молчаливом и пустынном ледяном плену. Ради чего? Для кого?

Нет. Это был ее осознанный выбор. В этом мире не осталось больше ничего, кроме надежды. Прятаться под землей, как грибы, на потеху радиации и расплодившейся нечисти... Нет, и еще раз нет! В конце концов, родители не хотели бы, чтобы она сдавалась и опускала руки. Она дочь исследователей, тренированная охотница, и пока в ее груди бьется сердце, нужно действовать.

Лера тряхнула челкой и, закрыв пудреницу, поманила пальчиком мышь.

– Ну что, маленькая, думаешь, все?

Карабкаясь по штанине, Чуча воинственно пошевелила усами.

Как бы в такой ситуации поступил отец? Лера была абсолютно уверена, что точно так же. Он попытался бы всех спасти.

– Еще повоюем, да, – погладив зверька, девушка улыбнулась и поправила сползшую на плечо тельняшку. – Я ведь лиса. А они просто так не сдаются.

Взрывать нельзя. Не ровен час, на оставленный Лерой сигнал наведается кто-то еще и заново вскрыет таящийся во льдах гнойник. Нужно уничтожить гадость на корню. Выжечь дотла, а потом уже и завалить, чтобы наверняка. И если взрослые мужики трясутся от страха при мысли о катакомбах, это сделает она сама. Исполдволь. Пусть и одна.

Перед глазами встала катающаяся в снегу изуродованная воющая масса, когда-то бывшая Ежи, которую пожирали ревушие языки пламени. Да. Сжечь, дотла. До пощелкивающих, мерцающих, медленно затухая, углей.

Азат как-то показывал ей, как правильно обращаться с ранцевым огнеметом. Это было всего один раз, но Лера надеялась, что быстро все вспомнит.

Еще немного посидев с мышью на коленях, девушка поняла, что в голове начинает созревать четкий и на первый взгляд вполне выполнимый план. По крайней мере, на тот момент ей казалось, что у нее получится.

Сначала база, а с контейнерами на борту она потом придумает, как разобраться.

Глава 3 2013

К полудню развиднелось. Путешествие затянулось на несколько изнурительных часов, но небольшой отряд смельчаков уверенно приближался к намеченной цели. Гребли неторопливо, с осторожностью погружая короткие весла в спокойную синеву раскинувшегося вокруг бескрайнего моря. Хрупкие суденышки медленно продвигались к виднеющейся вдалеке громаде русского исследовательского судна размером с авианосец, служившего надежным ориентиром.

Мышцы были натружены однообразными движениями, лица обветрены солью. Батон внутренне порадовался, что Лера осталась на лодке. Многочасовая гребля в таких условиях была испытанием даже для заматерелых, выдавших виды мужиков. Чего уж говорить о хрупкой девушке, выросшей в изоляции после войны.

– Ну что, – Макмиллан с напускным задором ткнул локтем в бок сидящего рядом Мичигана, который по мере приближения громады «Поликарпова» становился все мрачнее. – Заглянем к духам в гости?

– Не надо шутить, бро, – напряженно откликнулся тот, откручивая крышку термоса, из которого дохнул горячий пар можжевельного отвара. – Не сейчас.

– Не волнуйся, – хмыкнул техасец и заверил: – В случае чего я прикрою твой зад. – Пьющий из крышечки Зэф пробулькал что-то невразумительное и, завинтив емкость из нержавеющей стали, снова приналег на зажатое между колен весло.

– Давайте вон к той трещине, – скомандовал сидящий в первой лодке Тарас, когда до исполинского корабля оставалось несколько сотен метров, и указал веслом на ближайший разлом, размерами походивший на расщелину в скале. – По-другому на борт все равно не попасть, так, Ворошилов?

– Надо поближе посмотреть, – пожав плечами, откликнулся спелеолог. – Но судя по всему, да.

– Это ж где такие громадины-то делали, – присвистнув, пробормотал Паштет, когда над головами людей обледенелой стеной потянулся массивный борт навеки застывшего «Поликарпова». – Сколько народу тут вместиться могло. Целый город.

При ближайшем рассмотрении сходство судна с выпотрошенной рыбиной становилось еще сильнее. Из трех проломов в центре корпуса от днища до палубы торчали вывернутые наружу провода всевозможных цветов и толщины.

Изуродованные куски корпуса и обломки переборок служили пристанищем для многочисленных буреветников. Теперь ясно виделось пришедшее в упадок убранство покинутых кают, обильно присыпанных снегом, словно сахарной пудрой. И по-прежнему никакого намека на бывшее присутствие людей. Ни тел. Ничего.

– На верфях, где ж еще, – сквозь налетевший порыв ветра ворчливо откликнулся гребущий позади приятеля Треска.

– Как он вообще на воде держался, – не забывая про весло, долговязый рыбак продолжал завороченно оглядывать заброшенное судно. – Машина-то какая. Это ведь тот самый, на котором Леркины родители приплыли, слышь.

Паштет притих и прикусил язык, перехватив недобрый взгляд Батона.

– Слушай, я тебе не энциклопедия и не судовой учебник, чувак, – страдальчески скрипел толстяк, на которого вновь резко навалилась агорафобия, до этого на время отступившая под натиском кровавых событий последних дней. – У кэпа вон лучше спроси. Ему виднее.

Но беспокоить Тараса по пустякам Паштет, отвлекшийся от созерцания нависающей над ними громадины, сейчас не решился. Вместо этого он выудил из подсумка счетчик и направил его в сторону «Поликарпова».

– Пока вроде нормально, можем приставать.

В этот момент первая лодка мягко стукнулась о пологий ледник, на двадцать лет прочно приковавший к себе так и не вернувшееся домой исследовательское судно, и люди из небольшого отряда, навьюченные рюкзаками, один за другим стали перепрыгивать на твердую землю.

* * *

– Осторожней! Балка неустойчива! – сложив ладони рупором, в очередной раз прокричал задравший голову Савельев.

– Не орите под руку, мешааете ведь! Задолбали уже! – огрызнулся карабкающийся по выступам на краю разлома Ворошилов, на спине которого висела смотанная веревочная лестница.

Прихваченные Треской кошки оказались недостаточно длинными, чтобы достать до виднеющегося в разломе потолка нижней палубы. Поэтому было решено закрепить на них лодки, глубоко воткнув острые крючья в лед. Веревочная лестница оказалась очень кстати, но как ее доставить наверх? И вот теперь спелеолог с помощью альпинистского снаряжения неторопливо поднимался все выше и выше, тщательно взвешивая каждый новый шаг.

– Давай быстрее, чувак! – поторопил переминающийся на льду Треска. – Холодно тут, на ветру!

– Не хочешь сам попробовать? Думаешь управиться быстрее меня? – откликнулся остановившийся перевести дух Ворошилов, фиксируя жумар¹². Он быстро вспотел, громоздкий полярный комбинезон и увесистая заплечная ноша сковывали и без того затрудненные движения.

– Чего рассусоливаешь? Тут же вон, все видно, по каким трубкам и палкам лезть. Раз-раз и готово! В детстве по деревьям не лазал, что ли?

– Знаешь что сделай со своими советами, умник... – удобнее перехватив страховку, Ворошилов снова начал осторожно карабкаться наверх, сопровождаемый недовольным клекотом кружащих в воздухе буревестников, потревоженных вторгшимся чужаком. – Между прочим, не я придумал на этот корабль соваться. И кстати, я спелеолог, а не альпинист.

– Чего тогда полез? – вмешался в перепалку Паштет.

– А среди вас есть кто-то более опытный?.. – заговорившись, Ворошилов наступил не на ту трубку, торчащую из распоротого борта, и под его ногой с треском раскрошился проржавевший обледенелый металл. Мгновенно потеряв опору, спелеолог едва не рухнул вниз, едва успев ухватиться за какой-то торчащий сбоку штырь.

– Твою ж!.. – резкий толчок о палубу выбил из легких остатки воздуха.

Следящие за смельчаком люди издали взволнованный вздох.

– Порядок, я держусь! – заверил Ворошилов и зафиксировал вторую руку, при этом ободрав перчатку о примерзший птичий помет. – Держусь!

– Отставить разговоры, – рывкнул на поваров Тарас. – Не мешайте ему! А то и впрямь сейчас следом ползете.

¹² Жумар – элемент снаряжения альпинистов, спелеологов, спасателей и скалолазов, применяемый в веревочной технике для подъема.

Наконец Ворошилов достиг края потолка, с последним усилием подтянувшись на руках, заполз на рифленый металл и облегченно выдохнул. В пустынном чреве корабля, быстро затихая, отозвалось эхо, впервые за много лет отражая от стен человеческий голос:

– Все! Я внутри! Внутри!

– Паштет, ты первый! – скомандовал Тарас, когда сверху извивающейся змеей скользнула разматывающаяся лестница. – Хорошо закрепил?

– Да. Можете подниматься. Только по одному!

– Как мы агрегаты спускать будем, если вдруг что найдем? – поинтересовался у спутников Савельев.

– А веревки на что? – Треска похлопал по пузатому рюкзаку.

Тем временем Паштет, подергав лестницу, начал шустро карабкаться по распоркам.

– Странно, – к Тарасу приблизился Батон, все это время что-то внимательно высматривающий на корабле.

– Ты о чем?

– Почему гнезда буревестников расположены только в разломе? И не по всему пространству, а только на концах самых длинных балок и арматурин. Видишь? На тех, что дальше всего от корпуса.

– И что? – пожал плечами старпом, оглядывая птичьи жилища, сплетенные из обрывков разноцветной проволоки и сухих водорослей, явно принесенных с материка. – Гнезда от ветра защищены.

– Но им же явно не хватает места. Корабль огромный, а на палубе ни одного гнезда.

– Это ж птицы, поди разбери. Так, Савельев, давай, ты следующий.

Пока метеоролог, пыхтя, воевал с лестницей, Батон продолжал задумчиво разглядывать кружащих над разломом клекочущих птиц. Поведение животных отчего-то ему очень не нравилось.

* * *

Ни тел, ни даже каких-либо признаков мусора. По крайней мере, на той палубе, куда один за другим неторопливо выбирались члены отряда. Абсолютно ничего. Только голые, покрытые коркой льда стены, пол и потолок.

– Как в склепе, – негромко оценил Савельев, и Треска испуганно шикнул:

– Не каркай, чувак!

– Скорее всего, это грузовой отсек. Разделимся, – закинув рюкзак на плечо, Тарас оглядел выстроившихся полукругом мужчин. – Паштет, Треска – верхняя палуба. Осмотритесь.

– Будет сделано, кэп.

Приняв у старпома бинокль, кок с важным видом повесил его на грудь. Понимая, что особой помощи, кроме лишней пары рук, от неразлучной парочки ждать как всегда не придется, Тарас решил определить их на самое легкое задание. Иначе будут только под ногами мешаться или натворят чего.

– Батон, Савельев – рубка и связь. Американцы – технические отсеки. Ворошилов – со мной, поищем каюту капитана. Очень хочется заглянуть в судовой журнал и постараться понять, что за чертовщина тут приключилась. В случае опасности зовите на помощь.

– Как мы не заблудимся в этом лабиринте? – глянув на коридор за повисшей на одной петле полуовальной дверью, из которой дохнуло промозглым арктическим ветром, Паштет поежился. – Тут сам черт ноги сломит, а раций-то у нас нет.

– Вот, – Тарас достал из бокового кармана рюкзака четыре разноцветных грифельных стержня. – По одному на пару. Будете чертить по пути, чтобы не заблудиться. Стрелки, пометки, кому как удобнее.

– А во сколько сбор? – в свою очередь поинтересовался Треска и поправил ушанку. – Долго нам тут зады отмораживать?

– Пока все не обыщем или не найдем что-нибудь полезное. В общем, к вечеру на этом месте, – Тарас посмотрел на видимый в проломе далекий морской горизонт. – Более точного времени назначать нет смысла, поскольку часы есть только у Паштета.

– Сейчас полвторого, – звонко отчитался Паштет, выпятил грудь под завистливым взглядом Трески и вернул на место отогнутый рукав натовской куртки. Старинные наручные часы являлись предметом его особой гордости, поскольку были механические, а не электронные, и не пострадали в войну.

Как драгоценность с загадочной для молодого поколения надписью «*carl zeiss*», двадцать лет исправно отсчитывающая минуты молчания по человечеству, ни с того ни с сего угодила к нему в руки, не знал даже дувшийся на эту тайну Треска. И на мен Паштет никогда не шел, какую бы своеобразную роскошь нового мира не предлагали взамен лавашие на поверхность мародеры и залетные караванщики-торгаши.

Нет, и все тут.

Украсть не пытались: Убежище-то одно – и рано или поздно воришка все равно объявится, либо пропажа всплывет в самый неподходящий момент. А в подземном бункере, приютившем несколько членов личного состава ВМФ и их семей, за кражу полагалась высшая и самая страшная мера наказания в изуродованном радиацией мире – изгнание на поверхность.

Флотская дисциплина за двадцать лет сохранилась, как во времена ДО. Но в те дни, когда у пионерцев гостили караванщики или мародеры из окрестностей, Старейшины всегда незримо усиливали охрану. От залетных можно было ждать чего угодно – начиная с грабежей и заканчивая фатальными диверсиями по захвату территории.

– О-о-о! Эй, паря, сменяемся на тикики, ы? Зырь, чё есть! – как-то, когда Паштет решил посмотреть завозной товар в передвижном рынке, к нему обратился один из многочисленных барыг. На ящике перед ним на брезенте были разложены какие-то ветхие черепки.

– Не интересуется, – на ходу отмахнулся рыбак.

– Да не торопись, я за твои вот что тебе, – масляно сверкнул уцелевшим глазом жирный брыластый торгош.

Заметив, что прохожий замешкался, торговец уже выудил откуда-то из-под ящика нечто, завернутое в несколько слоев тряпья, и через мгновение Паштет чуть не ахнул от неожиданности. Внутри оказалась поразительной красоты статуэтка девушки, сидевшей, поджав ноги, такой белизны, что пионерца чуть не зажмурился.

– Как говорится, эксклюзивчик, – смрадно дыша перегаром и вцепившись в покупателя, поманил скряга-коротышка кургузым пальцем с грязным ногтем. – Мне один клан за нее тысячу патронов торговал, прикинь. А я тебе за тикики в мен отдам, ы? Вижу ж, что довоенец, а мы в таких вещах друг друга должны понимать. Время-то тебе зачем под землей? То-то и оно, брателло. Не полезнее, чем жопа с ручкой. А так – красота-красотулька, крале своей подаришь, у нее глаз порадует. Глядишь, еще и поблагодарит от души.

Без усталости лопочущий торгош мерзко причмокнул, так что одинокому Паштету захотелось от души съездить по приплюснутой роже.

Миниатюрное личико то ли из фарфора, то ли подобного из чего-то еще было настолько ангельским и воздушным, настолько не вяжущимся с царившим вокруг ужасом и звериным цинизмом, что рыбак шарахнулся от лотка с антиквариатом, как ошпаренный, прикрывая часы рукой.

Даже после войны люди сумели изобрести себе новые деньги. Тысяча патронов! Немыслимая, несусветная сумма в мире, где человеческая жизнь не стоила ровным счетом

ничего. Такие сокровища некоторые семьи втайне собирали всю свою короткую, полную лишений жизнь, да и то не успевали в большинстве своем.

В обмен на что... Для кого? В надежде на более благополучное будущее детей? Самообман. С каждым новым поколением уцелевшие будут вырождаться, дичать и звереть, пока однажды не сгинут совсем.

Счастья не будет. Иллюзия.

Паштет ни за что бы не променял свои часы на прекрасную статуэтку. Даже представить не мог ее среди сетей и прочего хлама, обветшавшего в его каморке за двадцать лет. Хотя сердце и сжалось. Сжалось от того, что перед ним на мгновение вновь мелькнул призрачный осколок далекого, безвозвратно исчезнувшего прошлого, в которое он, Юрий Николаевич Яхонтов, в две тысячи тринадцатом еще полный надежд молодой выпускник Факультета промышленного рыболовства Калининградского государственного технического университета, уже никогда не вернется.

Мир, который давно, несмотря на боль, уже стоило отпустить и забыть, доживая свой век на безвкусной грибной похлебке.

Теперь и имен-то почти нет.

Паштет.

И того юноши больше нет. А может, никогда и не было. Но он знал, что прекрасное лицо неизвестной девушки еще будет ему сниться, пока тоже не сотрется из памяти, как и другие воспоминания.

Что связывало Паштета с часами? Память о близких или невероятная по нынешним меркам цена, которую пришлось за них отвалить? Никто не знал. И, конечно же, никто не видел, как бесшабашный, извечно суеверный повар с вытянутым крысиным личиком после отбоя осторожно запаливал чадящую карбидку у себя в отсеке, насквозь пропахшем развешанными по стенам сетями, и, обхватив колени руками, подолгу сидел и смотрел на часы. Которые продолжали бесшумно идти в полумраке.

Ведь на мрак, окутавший человечество, времени было плевать. И забившиеся под землю люди все чаще отвечали ему тем же. Забывались праздники, слова и песни, дни недели, имена и лица погибших близких.

Мрак. Часы стали бесполезны, потому что теперь было нечего ждать. Ходики человечества встали.

Правда, один раз все-таки беда чуть было не случилась, когда незадачливые рыбаки во время очередного рейда в Пионерске едва не угодили в аномалию, и стрелки на циферблате словно взбесились, начав вращаться туда-сюда.

Тогда перепуганный насмерть Паштет вымолил у Лобачева разрешение подняться на «Грозный» и перевести часы в соответствии с электронными, которые на атомоходе продолжали исправно работать.

Он никогда не любил «электронки» с меняющимися цифрами. В механических было свое, ни с чем не сравнимое очарование. Они шли. В них было *движение*.

Вот только двигаться уже давно было некуда.

– Добро. Значит, вы по часам, остальные – по солнцу, – выслушав Паштета, кивнул Тарас. – Да и корабль так запросто не обойдешь, так что спокойно собираемся здесь.

– Погодите, – сказал Савельев.

Опустив на пол один из рюкзаков и расшнуровав его, Мичиган раздал окружившим его мужчинам компактные динамо-фонари.

– Используйте их, пока я не найду генераторную и не попытаюсь восстановить центральное освещение. Вращение ручки в течение шестидесяти секунд дает заряд энергии на тридцать минут, – неторопливо напутствовал он, давая Савельеву возможность переводить. – Еще неизвестно, сколько нам потребуется времени.

– Хотелось бы как можно меньше, – ворча, Треска карабином закрепил свой фонарь на поясе. – Мне все эти ваши приключения вот уже где сидят.

– А раций разве нет? – уныло спросил Паштет.

– Не бухти, – одернул его Тарас. – Может, тебе еще и унитаза золотой? Разговорчики. День на дворе, авось не заблудишься.

Получив задания, команда, разбившись на пары, осторожно разбрелась по недрам мертвого корабля, освещая себе путь бледным светом фонариков.

* * *

Вооруженному чертежами Мичигану довольно быстро удалось вычислить верное направление, – благо, основные силовые установки находились практически по центру разломившегося судна, на нижних палубах, где они с Макмилланом вскоре остались одни.

Подкручивая жужжащую ручку фонаря, неторопливо идущий по накренившемуся коридору Макмиллан тихо насвистывал «У Мэри был маленький ягненок». Негромкий мелодичный звук мягко разлетался по помещению, словно в недра заброшенного корабля случайно забрел одинокий призрак ковбоя из далекого прошлого.

Хмыкнув собственным мыслям, Рэнди переместил замусоленную деревянную палочку в другой угол рта. Техасцу было не по себе, и эта маленькая беспечность хоть как-то помогала сопротивляться с каждым шагом все сильнее подступающему напряжению. Зря они разделились. С кораблем русских было что-то не так.

– Можешь не свистеть, бро? У меня мороз по коже.

Продвигаясь вперед вслед за могучей спиной Мичигана, Рэнди осматривался, медленно поводя из стороны в сторону фонарем. Куда, черт подери, подевалась команда? Должны же были остаться хотя бы кости. А учитывая низкие температуры, процессы гниения в этих широтах и вовсе протекали куда медленнее обычного.

Под ребристыми подошвами тяжелых ботинок шуршал и похрустывал наметенный с годами снег. Тусклые пятна света от фонариков, скользя по стенам и потолку, тут и там выхватывали из сумрака полустертые выведенные по трафарету цифры, обозначения, надписи, которые, несмотря на то, что почти двадцать лет просидел бок о бок с русскими, американец не понимал. А ведь это могло серьезно ускорить поиски.

Везло Мичу. Он настолько бегло читал все эти чертежи, что ему и язык-то не требовался.

– Эй, не отставай!

Продолжая осматриваться, насвистывающий Макмиллан свернул вслед за приятелем в очередной коридор.

* * *

– Жил отважный капитан¹³... – Батон и сам не понял, каким образом слова старой песенки пришли ему на ум. Как-то само собой получилось. Он вспомнил, как еще мальчишкой до дыр засматривал видеокассеты с фильмами «Дети капитана Гранта» и «Двадцать тысяч лье под водой». Отважные юноши и девушки, бескрайние водные просторы и соленый ветер в лицо – что еще нужно уважающему себя человеку после надоедливой школы...

Старый охотник мрачно усмехнулся: фильм про загадочную подлодку стал для него вещим.

¹³ Здесь и далее – песня «Жил отважный капитан». Слова Вл. Лебедева-Кумача.

Всех их изменила война. Перелепила, разбросала кого куда по одной ей ведомой прихоти. Батон уже и не знал, когда в последний раз позволял себе расслабиться и отдохнуть. Наверное, в прошлой жизни. С семьей. С армейскими пацанами или сослуживцами.

А потом...

Потом разве что с бутылкой. Он вспомнил первые дни после удара. Проклятый две тысячи тринадцатый. Страх и острое ощущение безысходности. Ночи на подземной автостоянке, пока бушевало пожарище и оседала радиоактивная пыль. Обнаруженную «Ниву» с палаткой и прицепом, полным рыболовного инвентаря и спиртного. Мольбы продавщицы из киоска напротив, которой он так и не нашел в себе силы помочь... Как примерно через неделю его подобрала мародерствующие выживальщики, идущие в Пионерск.

Из сумрака, размытые, словно поднимались из морской пучины, проступили лица Димки и Жени, ушедших тогда в зоопарк. Ноздри пощекотал запах свежей выпечки...

Может, его сыну повезло, что он так и остался навсегда ребенком. Застыл в самом драгоценном и священном для каждого мгновении.

В детстве.

Многие приятельствовавшие с Батоном мародеры скрывали свои чувства под агрессией и масками безразличия. Со временем и Батон научился быть таким.

Пока не подросла Лера, заменившая ему дочь. Маленький человечек, которому одному во всем проклятом мире удалось растопить скованную льдом душу охотника и немного подлечить его раны. За нее Батон был готов убить даже в родном Убежище.

Охотник с Савельевым осторожно поднимались по лестнице, пробуя каждую ступень, а слова старой песенки вновь и вновь приходили в голову. Пусть и не к месту, но было в них что-то родное и успокаивающее, веющее извечной морской выправкой, беззаботностью и лихой отвагой. С каждым новым шагом заброшенный российский корабль нравился Батону все меньше и меньше. О том, что мельком увидел сквозь щель в каюте шагов тридцать назад, он Савельеву не сказал. Сам не заметил, и ладно. Нечего тревожить почем зря. Может, и показалось.

– Батон, ты чего, перед вылазкой принял, что ли? – тяжело дыша, поинтересовались из-за спины, и идущий впереди охотник понял, что негромко напеваает вслух.

– Иди в жопу, – не оборачиваясь, беззлобно огрызнулся он. – Трезвый я. Под ноги лучше смотри, тут вон ступенька кривая. Ты путь помечаешь?

– Помечаю-помечаю, – проворчали позади.

И все-таки присутствие шагавшего за спиной Савельева ободряло. Всегда хорошо, когда есть кому в случае чего прикрыть спину. Особенно на чужой территории.

А в том, что они здесь незваные гости, Батон уже практически не сомневался. Наметанный глаз охотника дважды ошибиться не мог. Ладно, будем держать ухо востро – иного выбора у них все равно уже нет.

Раньше Батону доводилось видеть такие суда разве что только в журналах и телепередачах. Но он никогда бы не подумал, что в один прекрасный день сам окажется в чреве стального гиганта, полностью предоставленный самому себе. Смотри – не хочу.

Мать честная, сколько тут было всего! Вот, видать, куда Москва и секретные учреждения вбухивали свои несметные миллиарды, а с ними и золотые головы, которые тут же и ложились. Запертые в катакомбах лабораторий ученые, инженеры, техники, отбираемые со всей страны самородки, которым не разрешалось бежать за границу.

Знали ли они, что, проектируя тысячетонного монстра, создавали не корабль, а памятник собственному труду? Кем был Лев Поликарпов, именем которого по древней морской традиции окрестили судно? Моряком, солдатом, ученым? Создателем плавучей станции?

Батон знал, что вне зависимости от рода занятий такой почести удостаивались либо настоящие герои, либо святые-великомученики.

Длинные изгибающиеся коридоры – лифты! – перегородки между жилыми и техническими отсеками, лестницы, двери в спальни-каюты и многочисленные лаборатории, змеящиеся трубы и пузатые, припорошенные снегом вентили, – все в обрамлении сложных приборов и устройств.

Всюду облупившиеся и выцветшие маркировки, надписи, цифры и сокращения – да уж, туго придется америкашкам. Маху дал Тарас – надо было их хоть по одному к русскому прикрепить, а не вместе слать. Хотя кроме идущего позади охотника Савельева иностранного языка не знал больше никто.

Внутри «Лев Поликарпов» казался настоящим плавучим городом. Сколько же он мог вместить людей? Несколько сотен? Больше полутысячи?

Батон вспомнил слова Тараса о том, что «Поликарпов» был оснащен сверхтехнологичными спутниковыми приемниками, системами наведения и даже входил в состав космической группы войск. Наполовину исследовательский, наполовину военный. Целая передвижная мобильная база. Сколько же секретов и тайн можно найти в ее недрах! Секретов, не предназначавшихся для посторонних глаз, а в нынешние времена и вовсе никому не нужных.

Значит, погибшие родители Леры были не простыми учеными-биологами с присущим людям такого рода духом авантюризма, а трудились на правительство и военный аппарат. Занимались ли они разработками биологического оружия или смертельных вирусов, с одним из которых команда «Грозного» столкнулась во льдах? Ставили ли эксперименты? Сколько жизней на их счету...

Батон потрянул головой, прогоняя ненужные мысли. О мертвых либо хорошо, либо...

У убийц не могла бы родиться такая дочь. Хоть они ее и не воспитывали.

– Ты чего отстал?

– Я здесь, пометку делал.

Продолжая осмотр, Батон подкрутил ручку фонарика. Единственное наследие, которое оставило после себя человечество, было делом рук военных. Секретные базы, воздушные, подводные, космические и подземные. Законсервированные вирусы и их штаммы, боеголовки и целые замороженные ангары с техникой, созданной с единственной функцией – разрушать... В России, Германии, Америке, Антарктике, черт знает где еще.

Затаившиеся гнойники, ждущие своего часа под кожей изнасилованной катаклизмом планеты. Наследие по имени Смерть. Воевать только больше некому.

– Какая же здесь должна была быть метеостанция, – мечтательно протянул Савельев, словно прочитав мысли Батона.

– Громадная, будь уверен, – ответил тот, продолжая обшаривать стены и потолки фонариком.

Вдруг где-то дальше по коридору и чуть в стороне, в темноте за пределами луча света что-то отдаленно лязгнуло, а потом натужно заскрипело. Батон и Савельев замерли, прислушиваясь. Звук стал удаляться и быстро затих.

– Что там? – в наступившей тишине шепот Савельева прозвучал так громко, что Батон вздрогнул от неожиданности.

Корабль-призрак, мать его. Надо было все-таки с собой стволы взять, но бережливый Тарас, несмотря на то, что территория незнакома, наотрез запретил брать огнестрельное оружие, ссылаясь на его драгоценность. Корабль-де все равно пустой, а арсенал в Антарктике где пополнишь? Неизвестно, что их еще ждет впереди. Ну-ну. Жопа и голодная смерть ждет, если как можно быстрее не придумают, как ноги отсюда сделать.

Мало Тарасу встречи с кальмаром было. Чтоб его. Черт! Сейчас у них из оружия только дубинки и ножи, которые вставлялись в специальные крепления, превращаясь таким обра-

зом в мини-копья для охоты на тюленей. Хороша амуниция, нечего сказать. Еще у каждого имелась пара фальшфейеров, болтавшихся на ременных петлях. Если что, только и останется, что ноги уносить.

А как бы сейчас повела себя Лерка? Наверняка бы уже бежала вперед вслед за своей Чучундрой, чтобы посмотреть, что же там такое приключилось. Это вернуло охотника к реальности.

– Ничего, – огрызнулся он, ругая себя за внезапную хлипкость. Секунду назад ему очень захотелось резко обернуться и пронзить светом тьму за спиной Савельева. Иди в задницу, старый кретин! Еще не хватало начать от всяких звуков шарахаться.

– Наши скорее всего шебуршатся. Нечего стоять, идем.

Вскоре на одной из верхних палуб им удалось, наконец, обнаружить заброшенную радиорубку.

– Кажется, пришли.

Вдвоем с трудом отодвинув осыпавшуюся ржой дверь, мужчины осторожно зашли в просторное помещение с низким потолком, уставленное различной аппаратурой и обветшалыми средствами связи. Осматриваясь, Батон неторопливо прошелся по помещению, в котором царил разгром, переступил через лежащий на боку полусгнивший офисный стул на колесиках.

Но однажды капитан
Был в одной из дальних стран...

Неожиданно под потолком что-то щелкнуло, и помещение озарил тусклый ламповый свет. На приборных панелях под слоем грязи вспыхнуло несколько разноцветных огоньков.

– Ох, мать честная, – оценил Батон и, посмотрев в потолок, выключил свой фонарик. – Шустро они. Жива-а посудинка.

Подойдя к стоявшему под углом столу с приборами, охотник провел рукой в перчатке по толстому слою не то пыли, не то какого-то давно разложившегося мусора, под которым мерцали лампочки, вставленные в пластиковые кнопки.

И влюбился как простой мальчуган.
Раз пятнадцать он краснел,
Заикался и бледнел...

– Интересно, а внутренняя связь работает? – перестав напевать, он поискал нужные кнопки на панели. – Неплохо было бы сообщить нашим об успехах, раз уж эта посудина еще кое-как дышит. Ну, дружище, поговоришь с нами? Черт, сбоят все.

Наугад попереключав отвечавшие гробовым молчанием каналы, Батон неожиданно заикнулся и побледнел.

– ...хрш-ш-ш... арпов!»! Повторяю! Говорит «Лев Поликарпов»! Терпим бедствие! Координаты семьдесят градусов сорок шесть минут южной широты, одиннадцать градусов сорок девять минут восточной долготы, неподалеку от станции «Новолазаревская». Москва, Нью-Йорк, Париж, Лондон...ио, ... ожены...

Не такое Батон ожидал услышать. Это была последняя передача перед тем, как радиоэфир окутал планету вечной тишиной. Словно очнувшиеся призраки зашептали из Преисподней.

– ...Повторяю! Говорит «Лев Поликарпов»! – продолжали настойчиво звать динамики встревоженным голосом радиста в далеком две тысячи тринадцатом году. – Терпим бедствие! Координаты семьдесят градусов сорок шесть минут южной широты, одиннадцать

градусов сорок девять минут восточной долготы, неподалеку от станции «Новолазаревская». Москва, Нью-Йорк, Париж, Лондон, Токио уничтожены... как слышите меня? Хршшшш... Кто-нибудь меня слышит? Говорит «Ле...

– Выключи, – не своим голосом попросил Савельев. – Пожалуйста.

Выйдя из ступора и снова переключив канал, Батон зажал танкету и нагнулся к вмонтированной в столешницу груше микрофона.

– Раз, раз! Как слышите меня, прием! Мужики, это Батон из радиорубки, как слышите меня? Тарас, поварята... Черт бы побрал эту связь! – выругался Батон, оглядывая еще несколько панелей, и отвернулся от микрофона. – И куда американцы запропастились? Может, хоть они услышат. Женька, а ну-ка, запроси по-английски! Я-то никак не кумеаю.

Но приблизиться к пульту Савельев не успел: внезапно из покрытых наледью колонок сквозь треск помех послышался чей-то неразборчивый голос.

– Это кто? – в гробовой тишине вдруг четко и с хрипотцой заинтересовались динамики.

– Как кто? – Батон удивленно переглянулся с Савельевым. – Это я, Батон. Треска, ты, что ли? Где ты исправную рацию раздобыл, а? Вторую радиорубку нашли?

– Это не треска, – чуть поколебавшись, не согласились по связи. – Меня зовут Пошта.

– Какая еще «почта»? – нахмурился Батон и пригрозил: – Слышь, поваренок, хватит эфир засорять! Руки пообрываю, тесто пятками будешь месить! Палуба какая у вас...

– Еще раз повторяю, я не Треска, – терпеливо повторили динамики, и Савельев вздрогнул. – Я Пошта. Пошта из клана Листонош¹⁴.

– Какого клана? – вконец растерялся Батон. Да и голос собеседника на том конце действительно был другим. – Так это не с «Поликарпова»?!

Опирающийся о панель охотник почувствовал, как от догадки на холке шевелятся волоски и, немея, начинают подгибаться ноги. Вот тебе и двадцать лет во льду простоял. Ай да «Поликарпов»! Ай да сукин сын!

Голос! Живого человека! Откуда-то ИЗВНЕ! Нужно срочно отрегулировать! Попробовать записать! Батон лихорадочно завозился с кнопками возле микрофона, силясь разобраться, что к чему.

– Ох ты растудить твою, не сдохла, сволочь!.. Вот так известия. Живой?! – вопросы стремительно слетали с языка охотника один за другим. – Кто? Ты откуда вообще, братуха?

– Сейчас нахожусь в Балаклаве, – на этот раз ответ послышался практически сразу. – Это на острове Крым.

Крым?! Вот это новости! Где-то за пределами мертвого ледяного материка тоже есть выжившие!

Невероятно! Непостижимо!

Лицо застывшего Савельева от осознания происходящего стало белее снега. Склонившийся над пультом Батон не заметил, как на лоб из-под шапки заструился пот.

– Крым?! – потрясенно заревел Батон и придвинулся к микрофону так, словно хотел откусить от него кусок. – Вот уж услышались так услышались, нечего сказать. Весточка с того света прям. Был я в Крыму пару раз. Первый раз в Севастополе, в «учебке», а во второй раз в отпуск с женой приезжал, – он посмотрел на жадно ловившего каждое его слово Савельева, застывшего, словно изваяние. – Димка еще совсем карапузом был. Ласточкино Гнездо, Ялта, трамвай, солнышко припекает, ласково так... хорошо! Подожди, почему ты сказал – остров? Он же всегда полуостровом был!

– Был когда-то, да сплыл, – в голосе далекого собеседника послышались ироничные нотки, и Батон, к собственному удивлению, не выдержал, рассмеялся, хоть этот звук и был

¹⁴ См. «Метро 2033: Крым».

неуместен в этом странном, пустующем плавучем склепе. То ли от самой собой получившейся шутки, то ли от дурацких, подорванных алкоголем нервов. То ли от нахлынувших солнечных воспоминаний.

Батон почувствовал, как где-то внутри, под курткой, становится нестерпимо горячо. Нет! Это было от счастья!

От потрясающего, удивительного чувства – слышать голос не известных и близких тебе людей, а кого-то чужого! Подобного тебе существа, выжившего на другом краю света и говорящего с тобой здесь и сейчас!

Батон, у которого дрожали пальцы и кружилась голова, повернулся к Савельеву, на каменном лице которого замерла зачарованная улыбка.

На планете... НА РАЗРУШЕННОЙ ПЛАНЕТЕ. ЕСТЬ. КТО-ТО. ЕЩЕ!

– Батон! Тебя ведь так зовут? А ты где находишься? В Грузии?¹⁵

– Вот честное слово, я бы с радостью... Да только вместо гор и «Хванчкары» у нас тут айсберги с пингуинами, – невесело усмехнулся охотник. – Вообще-то меня Михаилом Александровичем Зеленским зовут. Мы с ребятами застряли во льдах на Южном Полюсе. В районе полярной станции «Новолазаревская».

– На Южном Полюсе! – восхищенно откликнулись динамики голосом Пошты. – Как же вам удалось там выжить?

– Да мы сами-то не местные, из Пионерска на атомоходе «Иван Грозный» пришли, – начал объяснять Батон, но тут в эфир поползли помехи. – Вирус тут нашли, который мог помочь Землю от радиоактивной гадости спасти. Да не вышло ничего. Лодке требуется ремонт... Эй! Слышишь меня!..

Быстро подошедший Савельев с тревогой следил, как Батон, матерясь сквозь зубы, бешено давит на все кнопки подряд.

– Связь накрывается, чтоб ее! – рывкнул он. – Пошта, прием! База немецкая во льдах со Второй мировой сохранилась, сейчас ищем подходящие средства для восстановления лодки, наши координаты...

В динамиках что-то последний раз щелкнуло, прошипело, и в радиорубке снова наступила мертвая тягучая тишина.

– Черт! Черт! Чтоб тебя! Работай!

Батон со всей силы треснул кулаком по краю приборной панели.

– Не хер тогда вообще было включаться, сволочь! Слышишь меня?! – Охотник оперся кулаками о стол и низко опустил голову, пытаясь прийти в себя, не в силах окончательно усвоить только что услышанное.

– Крым – остров, – то ли спрашивая, то ли утверждая, смотря куда-то мимо Батона, пробормотал Савельев. – Значит...

– Да. Еще выжившие, – хрипло отозвался из-под капюшона Батон.

– Наши не поверят, – с трудом проглотив едкий ком в горле, едва слышно прошептал метеоролог и, облизнув губы, перевел взгляд на охотника.

Батон и сам еще не до конца поверил в произошедшее.

Выжившие. Глядя на замолчавшую технику, он медленно, словно не своей рукой, откинул на плечи капюшон, стянул с головы шапку и, зажмурившись, пятерней стер с небритых щек выступившую испарину.

Они были не одиноки!

¹⁵ Батон – уважаемый, господин (*грузинск.*).

* * *

Благодаря добытым на «Новолазаревской» документам американцы достаточно быстро отыскивали технические отсеки на одной из нижних палуб. Пока сидевший на корточках Мичиган деловито сопел, умело управляясь с генераторами, Макмиллан настороженно нацеливал фонарик в неосвещенные участки отсека.

– Как, сможешь починить? – мусоля палочку в зубах, снова спросил он. – Не готово еще?

Шумно выдохнув, Мич закатил глаза и уронил на колени руки, полные инструментов и проводов.

– Мак, если ты меня спросишь об этом еще раз сто, быстрее двигаться я не стану. Что ты суетишься, словно с девкой в толчке кантри-бара? Не видишь – я и так делаю, что могу. Или думаешь, что мне самому здесь чертовски жарко? Тут двадцать лет все в снегу пролежало, так что нужно немного попотеть, извини уж, брат.

– Потей сколько влезет, – разрешил техасец. – Но только мастера побыстрее, о'кей? – Сделав на стене пометку ярко-зеленым грифелем, Рэнди хмыкнул и, подумав, добавил короткое ругательное слово на английском.

– Хватит валять дурака, – не переставая работать, одернул приятеля темнокожий гигант. – Лучше иди посвети-ка вот сюда.

– Момент.

Приблизившись, Макмиллан через плечо Зэфа направил луч света на скомканное мочало разноцветных проводов.

– Вот так.

– И как ты во всем этом разбираешься?

– Просто. Я механик в четвертом поколении, забыл? Вот сюда. Чуть выше, о'кей. Сейчас подкрутим и заменим переходник.

– Что-то ты долго.

– Такое впечатление, будто ты думаешь, что генераторы все двадцать лет работали, а потом где-то обрыв провода произошел. Их запускать надо вручную, бро.

Какое-то время Мичиган молча работал, поочередно выбирая из сумки необходимый инструмент. Перестав шутить, Рэнди терпеливо ждал. Сказывалось царящее на судне непонятное напряжение.

– Ну вот, – закрыв крышку последнего генератора, Зэф подошел к пульту управления и, нажав несколько кнопок, поочередно потянул на себя рукоятки. – Скрести пальцы, бро.

Несколько мгновений ничего не происходило, а потом в помещении разлился слабый, едва заметный свет, сопровождаемый шумом и стуком оживающей техники.

– И это все? – разочарованно оценил Макмиллан. – Да уж, не густо.

– Не торопись.

Вернувшись к инструментам и сменив отвертку, Мичиган что-то подкрутил в одном из генераторов, увеличивая приток мощности.

– Ну же, не подведи меня.

Свечение стало интенсивнее, и одна из ламп звонко лопнула, обдав Макмиллана бледным искрящимся снопом.

– Эй! Осторожней! – техасец пружинисто отскочил в сторону, прикрывая лицо и шляпу рукой.

– Да-а, – поправив шапку, Мичиган поднял голову к потолку и белозубо осклабился, слушая нарастающее гудение внутри корабля. – Давай-давай. Просыпайся, малыш.

– Заработало!

– Но ненадолго, – покачал головой Мич, быстро упаковывая в рюкзак инструменты. – Нам лучше поторопиться.

* * *

Около часа бесцельно поплутав в чреве стального гиганта, Паштет с Треской наконец-то выбрались на верхнюю палубу «Поликарпова», где безраздельно властвовали снег, наледь, буревестники и промозглый антарктический ветер. Холод здесь был такой, что у обоих мгновенно посводило челюсти, а глазные яблоки пронзили сотни игл от солнечных лучей, отражавшихся от покрывавших корабль сугробов. Завозившись, повара стремительно нацепили на носы солнцезащитные очки.

– Ох ты ёшкин-корневище! – сунув было нос в дверной проем, за которым начиналась открытая палуба, Треска испуганно юркнул назад. – Не, брат, я туда не пойду.

– Ты чего это? – обернулся уже вышедший наружу Паштет.

– Небо, – Треска пальцем в перчатке указал сначала в потолок коридора, а затем в пол. – И до земли высоко. Зря мы сюда поперлись.

Поначалу простое задание теперь не вызывало у него энтузиазма. Тем более что дверь с закругленными углами, чуть утопленная в стену, выходила как раз на небольшой участок перед гигантской трещиной, разделившей корабль напополам.

– Ну, ты за двадцать лет совсем в червяка превратился, – фыркнул Паштет. – Давай, идем. Нечего рассусоливать. Тарас тебе бинокль просто так дал?

– Хочешь, бери, – со слабой надеждой предложил толстяк.

– Дудки, это твое задание. Вот и выполняй, – засунув большие пальцы за лямки рюкзака, Паштет посмотрел на небо, в котором высоко кружили клекочущие буревестники, и глубоко вдохнул. – Красота.

Продолжая что-то бурчать, Треска неохотно выбрался из коридора и, встав рядом с напарником, недоверчиво посмотрел на один из трех гигантских радарных шаров-зондов, в тени которого они находились. Было здесь много и другой всевозможной техники, от солнечных батарей и радарных установок до высоких антенн, облюбованных птицами под гнезда, и спутниковых тарелок.

Желая побороть подступившее головокружение, Треска взял бинокль и принялся разглядывать далекий берег с видневшейся лодкой и руинами полярной станции. На его беду, из-за перефокусировки зрения голова закружилась сильнее, и к горлу подскочила дурнота.

– На, сам высматривай, – сняв бинокль, Треска сунул его Паштету.

Подойдя к борту и опершись о перила, он сдвинул очки на лоб и стал разглядывать горизонт, в то время как Треска, не желая приближаться к краю палубы, грузно опустился на угол забранного решеткой вентиляционного короба.

Водная пустыня была такой же загадочной и смертельно манящей, как и снежная. Иссиня-черная у ватерлинии, она постепенно меняла цвет сначала на бирюзовый, а потом, словно вздымаясь у горизонта к небу, на молочно-голубоватый. Обманчиво мирная и безразличная, жестокая и убийственная на деле. Молчаливая снежная Королева. Манящая таинственной улыбкой и сковывавшая душу и тело ледяными тисками низких температур. Бесконечное царство холода и смерти.

Паштет подкрутил колесики выбора кратности, медленно панорамируя от черного массива «Грозного» до небольшой группы дрейфовавших в стороне айсбергов. Разбросанные по бескрайней Атлантике хрустальные замки всех форм и размеров поражали своим безмолвным величием и гением природной архитектуры. Арки, пирамиды, сложные фигуры. Каждый мог увидеть в них что-то свое, все зависело лишь от полета фантазии.

Паштет опустил бинокль. Как в изуродованном мире могло остаться еще столько не тронутой красоты?! Покончив с правым бортом, он направился к левому мимо вновь заворачивавшего Трески.

- Скоро уже? Я весь зад отморозил.
- Так поприседай.
- Иди ты.

С другой стороны линия горизонта выглядела не столь безмятежно и сразу привлекла внимание Паштета. Далеко-далеко, практически на самой границе воды и неба что-то происходило. Сначала повар принял увиденное за тучи, но уж больно низко они висели, да и воздух был слишком чистым, чтобы рождать оптический обман. Скорее это были даже не тучи, а... туман. Паштет почувствовал скользнувшую по телу дрожь, вспомнив виденного во время бури «Голландца». Легенду о гигантском железном корабле без парусов и признаков команды на борту, по слухам, появившемся спустя десять лет после войны и бороздившем морские просторы. Увидишь или помянешь – семь лет счастья не будет.

Нет. Уж пусть лучше буря будет. Снова подкрутив колесики, Паштет различил в клубящейся массе несколько сполохов.

Молнии?

- Слышь, – не отрываясь от окуляров, окликнул он. – Похоже, буря собирается.
- Гроза здесь? Не мели ерунды. О, америкосы свет включили.
- Угу.

Устав маяться без дела, Треска поднялся с короба и, размяв ноги, осторожно подошел к краю разлома, оглядывая отсеки на противоположной стороне.

– Ну, буря или аномалия какая. Поди ее разбери, – поборов тревогу, мнительный Паштет снова всмотрелся в горизонт. – И приближается, правда, медленно. Надо бы остальных предупредить, чтобы мы до нее вернуться успели. Задание выполнено. Вот теперь можем сворачиваться и валить к месту сбора, может, кого по дороге встретим.

– Рано сваливать, чувак, рассказать успеем, – пока Паштет аккуратно закрывал окуляры бинокля пластиковыми крышечками, осматривавший разлом Треска в своей заговорщицкой манере цыкнул вставным зубом.

- Чего?
- Ходь сюды.
- Ну, – встав рядом с приятелем, Паштет стал рассматривать разлом.
- Зырь, – Треска указал куда-то чуть ниже верхней палубы. – Вон там.

Приложив руку ребром ладони ко лбу и всмотревшись, Паштет повернулся к выжидающему реакцию напарнику. Встретившись взглядами и расплывшись в улыбках, повара дружно протянули:

– Ка-амбу-уз!

Потратив некоторое время, чтобы осторожно перебраться по вывороченным перекрытиям на другую сторону корабля, потревожив при этом несколько гнезд недовольно кричавших буревестников, парочка, наконец, ступила на кухню «Льва Поликарпова».

Даже после стольких лет запустения пищеблок производил внушительное впечатление. Всюду висели начищенные кастрюли и сковородки, развешанные над мойками и длинными разделочными столами, рифленые трубы вытяжек и полки с тарелками. Плиты, морозильники, внушительная батарея ножей всех разновидностей.

- Вот же ж люди шиковали.
- Красота-а, – оценил это великолепие Треска и, не теряя времени, деловито толкнул приятеля локтем в бок. – Ну, чё, дрогнули?
- Ты о чем это? – вскинул брови Паштет.

– Как о чем, – опустившись на колени, Треска начал развязывать свой рюкзак. – Столько сокровищ да без дела лежит. Сколько сможем, столько и заберем.

Когда парочка, наконец, управилась, на Атлантику уже медленно опускался багровый вечер, а загадочная туманность заметно приблизилась.

– Хреновая это затея была с самого начала, говорю тебе, – рассуждал Треска, когда они с Паштетом, завязав свои набитые рюкзаки и потратив вдвое больше времени на преодоление разлома из-за неожиданной ноши, двинулись к месту сбора. – Вылазки эти, починки. Чую, не получится у нас ничего. Только и отрада, что каким-никаким хабаром разжились.

Он заботливо похлопал свою ношу.

– А Тарасу что скажем, подумал? – пытался урезонить приятеля Паштет, нагруженный такой же ношей. – Что мародерствовали? Это ведь и по морскому кодексу запрещено, по погибшему кораблю шариться. Недобрая примета, погибельная.

– Сам ты погибельный.

– Да и какой толк от всей этой посуды, если нам уплыть не получится, а?

– Ты на совесть-то не дави, проповедник, – пожал плечами Треска и поморщился. – Разберемся как-нибудь. Может, ничего серьезного, они ведь толком-то и не смотрели там ничего. А это для пользы дела. Здесь они уж точно никому не нужны. А на лодке нам еще за это спасибо скажут, помяни мое... Эй, смотри-ка!

Остановившись, он указал в боковой коридор, в конце которого разъявленной пастью зиял черный провал лифтовой шахты с раскрытыми наполовину дверями. По пути на верхнюю палубу повара попросту не заметили его из-за отсутствия освещения.

– Впервые на корабле лифт вижу, – сказал Паштет.

– То-то и оно. Пошли, посмотрим.

Остановившись у края шахты, приятели осторожно заглянули вниз. Дна, как и самой кабины, не было видно из-за сгущавшейся темноты. Лампочки освещения шахты перегорели или лопнули давным-давно.

– Интересно, сколько до дна?

– Сейчас проверим.

Пошарив взглядом по полу, Треска подобрал кусок какой-то кривой железяки и, занеся руку над колодцем, разжал пальцы. Через несколько секунд где-то далеко внизу слабо звякнуло.

– Прилично, – оценил Паштет.

– Да уж. Ладно, пошли. Наши, небось, там собираются уже. Да и про шторм предупредить надо.

– Точно.

Повара направились в обратную сторону, ориентируясь по оставленным на стенках меткам. А когда спина Трески, с рюкзаком, ошетилившимся ручками всевозможной утвари, скрылась за углом коридора, глубоко внизу шахты едва заметно шевельнулась тьма.

* * *

Через несколько отсеков от радиорубки по той же палубе находился центр связи, о чем гласила полустертая маркировка на двери. Едва переступив порог освещенного несколькими панорамными иллюминаторами помещения, Савельев и Батон потрясенно замерли в прозрачных бликах от множества работающих мониторов, с которых под разными ракурсами на них смотрела...

Земля.

Некоторые дисплеи сбоили и рябили помехами, некоторые давали черно-белое изображение, но в основном картинка была настолько четкой, что Батону на миг показалось, что ничегошеньки с их миром не случилось.

Савельев как зачарованный следил за неторопливым движением родной планеты.

– Какая же она все-таки была красивая.

– Да, – согласился Батон.

Перед глазами метеоролога один за другим проплывали зеленые континенты и материки, граничащие с бескрайними морями и океанами; были видны облака, словно пасущиеся барашки, и мерцающие точки мегаполисов на ночной стороне Земли.

– Сейчас, сейчас Россия будет...

В этот момент над краем светлой стороны вспыхнул яркий лучик, который стал увеличиваться.

– Солнце!

– Нет, – не отрываясь от экранов, мрачно сказал первым догадавшийся Батон. – Это не Солнце. Это закат.

Лучики появлялись то тут, то там на всей поверхности планеты. С ночной половины ожившими светлячками тоже двигались точки, оставляя за собой тонкие светлые следы.

– Ракеты, – одними губами проговорил Савельев.

Снаряды парили навстречу друг другу, заставляя причудливо пересекаться топливные следы, а потом камнем падали вниз, жалея планету, расцветая на ее поверхности алыми вспышками смертельно ядовитых грибов.

Ирония. Им выпала карта выжить, чтобы когда-нибудь пережить все по новой. Быть может, они единственные разумные существа во всем мире, которым довелось увидеть пиршество смерти со стороны.

Сердце охотника обдало ледяным холодом, когда он представил, что чувствовали находящиеся на орбите космонавты МКС, передававшие последние изображения на планету, занимающуюся огнем, словно муравейник, который подожгла ребятня. Понимая, что станция теперь для них склеп, который со временем превратится в дрейфующий по орбите космический мусор.

Не мог представить. Силился и не мог. Одно дело – быть внизу, в адовом пекле, видеть, как все привычное мгновенно превращается в пыль. Другое – в полном безмолвии смотреть, как гибнет твой дом, и тебе больше некуда возвращаться. Теперь Батон в полной мере мог представить, что творилось на борту «Грозного» в первые часы войны. Каких нечеловеческих усилий стоило оставшимся членам команды не обезуметь, не сойти с ума и все-таки приплыть в Пионерск.

Безмолвие.

Чудовищности, животного, атавистического ужаса происходящему добавляла царившая кругом могильная, нечеловеческая тишина – сигнал трансляции передавался и записывался без звука.

А еще надпись. Всего одно слово, такое простое и безобидное, сейчас разрывавшее душу и тело в клочья безжалостной, неутолимой болью, которую нельзя было превозмочь.

Словно от плоти рваными лоскутами, брызжащими кровью, заживо отдирали мясо.

«ПОВТОР».

Всюду, на всех экранах.

«ПОВТОР».

В один и тот же момент, когда планета исчезала в бушующей агонии радиоактивного пламени. Все сначала.

«ПОВТОР».

Чувствуя, как слезятся глаза, Батон, сжав кулаки, стиснул зубы с такой силой, что остро заныло в виске. Боль утраты всколыхнулась, заново потеснив даже удивительный разговор с таинственным Поштой из Крыма.

Где-то в тот последний день были и они все. Все, кому по какой-то извращенной случайности удалось пережить рукотворный Конец света, чтобы спустя столько времени снова вернуться туда. И пережить все заново. Умирать и, на мгновение воскресая, прекращать существовать заново. Снова и снова.

Опять и опять.

«ПОВТОР»...

Что чувствовала команда «Поликарпова», получив эту последнюю запись и передав в наступающую пустоту последний радиосигнал? Как они, оставив надежду, поставили изображение на заикленное проигрывание, для чего... Чтобы убедиться? Попрощаться?

И смотрели, смотрели, смотрели... Пока на судне не осталось ни единой живой души.

– Они были связаны со спутником, который отслеживал запуски всех ракет в День «Х», – Батон вздрогнул и, обернувшись, встретился с тяжелым взглядом Тараса. За спиной старпома, отстав на несколько шагов, с вечно нахмуренной физиономией маячил Ворошилов. – В судовом журнале посмотрел. Затем еще несколько дней мониторили, как могли, пытались выйти на связь с городами. Потом с МКС. А потом началось...

Он поднял руку с толстой тетрадью, вшитой в пластиковый файл.

– Туго им тут пришлось, братуха. Последняя запись после ударов – через три недели, двадцать седьмого июля. Пока передачи слушали, айсберг проворонили, вот и налетели. Когда опомнились, началась драка из-за мест в спасательных шлюпах, чтобы обратно на станцию плыть, а когда выяснилось, что мест всем не хватит... Бойня, короче, началась. В общем, какая-то часть с грехом пополам уплыла, а мертвых на корм рыбам отправили. Те, кто не влез, очень скоро перегрызлись с теми, кто на борту остался. Продовольствие без разбору по рукам пошло – кто успел, тот и съел. Пир во время чумы. Капитан, Сушинский Евгений Леонидович, у себя заперся да так больше и не вышел. Я знал его когда-то. Что надо был мужик. Остальное не разобрать, кровью заляпано. Может, и хорошо, что Леркиных на борту не было. Там-то они хоть быстро да вместе – раз, и все. А тут... Даже подумать страшно. Смотреть, как твои друзья с каждым часом оскотиниваются да с катушек летят... Как представлю, мороз по коже.

Батон ничего не ответил и снова посмотрел на экран. Тарас, наконец, проследил его взгляд.

– Ох, ммать...

Четверо мужчин, заброшенных в снежное безмолвие на краю света, застыли, наблюдая, как снова и снова умирает их планета, раз за разом превращаясь в горящее чучело Земли. Спаленный дотла дом, находясь в котором они уже никуда не могли вернуться. Думали каждый о чем-то своем.

Оторвать взгляды от экранов их заставил недалекий звук выстрела.

* * *

– Что еще? – настороженно вскинулся Макмиллан.

– Нам огнестрелов не выдавали, – заканчивая паковать рюкзак, с тревогой откликнулся Зэф и посмотрел в потолок, откуда, по его мнению, исходил звук.

Вдруг выстрел повторился снова.

И еще раз, чуть дальше. Кто-то закричал.

– Быстрее! – похватав рюкзаки с собранными запчастями, американцы выбежали из отсека, в котором выпотрошили столько электроники, сколько смогли, и, громыхая ботинками, начали подниматься по лестнице.

Ползущие по стенам и потолкам коридоров извивающиеся щупальца черного дыма с невероятной скоростью преследовали людей. Клубящиеся отростки, похожие на конечности гигантского сумеречного осьминога, будто были наделены разумом.

– Ты какого хрена железку в ту шахту кинул?! – проорал Паштет, засовывая в самодельный двухзарядный пистолет новые патроны.

– Сам же глубину проверить хотел, – пыхтел, придерживая ушанку, Треска. – Кто ж знал, что там эта хрень сидела!

Преследуемые дымными щупальцами повара, сверкая пятками, что есть мочи неслись по лабиринту коридоров к месту сбора, не забывая переругиваться на бегу. Выкинув назад руку, Паштет выстрелил дуплетом еще раз.

– А на фига ты меня слушал?

– Значит, я теперь виноват?! Знаешь, что тебе Тарас за ствол сделает? В задницу засунет, вот что! Где ты его нарыл?

– В оружейке. Азат, бывало, в свободное время баловался, вот и накопилось... – снова перезаряжаясь, Паштет торопливо пропустил Треску на лестницу, но в этот момент между его ног змеей метнулось одно из призрачных щупалец, ухватило заоравшего Треску за лодыжку и с нечеловеческой силой рвануло назад, навстречу споткнувшемуся Паштету.

– Ааааа!!!

Повара кубарем полетели вниз по лестнице. Первым поднявшись, Паштет наугад прицелился и снова выстрелил в приближающийся дым, которому выстрелы не причиняли видимого вреда. На мгновение расступившись, шевелящаяся масса сомкнулась снова.

Повара стремглав побежали дальше.

– Ты приказ нарушил, дубина!

– Просто перестраховался. Зато пригодилось!

– Ага, пригодилось. Это ж, мать его, дым!

– С мозгами, по ходу!

– А по шее получать вдвоем будем. Проходили!

– Это кто же такой борзый с собой ствол притащил, а? – палубой выше ревел Тарас, за которым пружинисто неслись Батон и Савельев. Замыкающий Ворошилов старался не отставать. – Узнаю, шкуру спущу! Определил, откуда стреляли?

– Со стороны места, где высадились, похоже, – рявкнул не отстающий Батон.

Выскочив на открытую площадку грузового отсека, четверка увидела балансировавших почти у самого края разлома Рэнди, Зэфа и Паштета с Треской, которые, побросав рюкзаки, пытались увернуться от извивавшихся, обманчиво невесомых щупалец, призрачно таявших на тусклом уличном освещении.

– Духи! – гортанно ревел Мичиган. – Мы разбудили духов!

Сразу стало ясно, что штык-дубинки тут бесполезны. Оружий Паштет постреливал в шевелящуюся массу из самопала, в то время как Макмиллан возился с застрявшим в петле фальшфейером.

– Назад! – выскочив вперед, он запалил шашку, с шипением выплывшую сноп искр, и запустил ее в самую гущу клубившегося дыма, не решавшегося выползти из коридора.

Ярко полыхнуло, воздух наполнился омерзительным верещанием, а вдгонку первому фальшфейеру уже падал второй.

– Это его задержит! Спускайтесь к лодкам! – рукой закрывая лицо от жара пламени, командовал Тарас. – Ворошилов, следи за лестницей. Давайте по одному! Быстрее, быстрее!

Теперь Батон окончательно убедился, что по пути в радиорубку не обманулся, увидев в сумраке одной из кают распластанную на полу гладко обглоданную половину скелета буревестника. Поначалу казалось, что глупая птица, зазевавшись, а может, попросту влекомая потоками воздуха, залетела в помещение и сдохла от страха или голода, не в силах найти выход из западни.

Но выработанное с годами чутье охотника не пропьешь.

Вот почему так необычно располагались птичьи гнезда. Черному дыму, или чем там еще являлось это существо, видимо, было тяжело передвигаться по перекрученным обледенелым балкам и перекрытиям, чтобы добраться до лакомого мяса или яиц.

Вот куда делась команда. Тела умерших во время голода и лишений военных, ученых и моряков много лет ждали, пока изменившаяся природа не пришлет на судно своего «могильщика». Который, полакомившись останками в виде замороженного мяса и костей, устроил в шахтах лифтов гнездо и охотился на зазевавшихся буревестников, старавшихся ютиться подальше.

Охотился, вероятно, ночью, когда уставшие птицы возвращались на насесты, а кто-то из команды сегодня попросту его растревожил. Батон даже не утруждал себя догадками, кто бы это мог быть, и зарекся по возвращении на субмарину как следует отодрать поваров за уши.

– Давайте-давайте! – прикрикнул вошедший в раж Макмиллан, которому Треска перекинул свои фальшфейеры, пока Зэф и Ворошилов осторожно спускали обвязанные веревками рюкзаки принимающим снизу Батону и Савельеву.

Отстрелявший последние патроны Паштет тоже заторопился покинуть палубу.

Для верности закинув еще пару шашек в коридор, Рэнди тоже оседлал лестницу и вскоре спрыгнул на снег вслед за Треской, на которого в компании с Паштетом уже всю орали Тарас и Батон, пока Мичиган и Савельев торопливо грузили лодки.

– Ты какого черта творишь, сволочь хитрожопая! Я дал ясный приказ – беречь патроны и стволы не брать, а ты чего?!

– Я же как лучше хотел... – попытался вставить понурившийся Паштет.

– Видите, пригодилось же, – решив поддержать приятеля, Треска спешно ткнул пальцем в спускающегося Ворошилова.

– Пригодилось?! – не оборачиваясь, прорычал Батон. – А то, что, пока вы не напортачили, тут все спокойно было, – это не в счет? Где ствол достал, ну?

– На... на лодке, – совсем сник Паштет. – У Азата.

– Ах на лодке! На гауптвахту захотел? Или, может, вообще тут остаться, а?! Я кого спрашиваю, твою мать... Дай сюда!

– А это что такое? – Тарас встряхнул зазвеневший рюкзак за спиной Трески.

– Посуда, для дела, – жалобно пискнул тот.

– Мародеры херовы! Зла на вас...

– Ааааа!!!

Донесшийся сверху крик оборвал гневную тираду распалившегося Тараса. Все находящиеся на льдине, дружно повернув головы, замерли, увидев, как Ворошилов болтается, одними руками цепляясь за ступеньку – щупальце метавшегося наверху дыма достало один из привязанных концов лестницы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.